

Наталья Алмазова

МОРФОЗ

повесть белой лилии

Наталья Сергеевна Алмазова

Морфоз. Повесть белой лилии

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6610594

Аннотация

Мёртвые ангелы никогда не спят.

У них даже нет век, имён и сердца. Они... совершенны и чисты, как лепестки белоснежной лилии. Но совершенство обманчиво.

Путешествуя меж мирами в нескончаемом поиске Знаний, один такой безымянный скиталец оказывается на Земле. Не видя различий меж святостью и пороком, преступая духовные и мирские каноны с непринуждённой легкостью ребёнка, он отчаянно пытается разгадать тайну человеческой души. Прочсть замысловатую криптограмму, в которой блаженство и боль сливаются в едином экстатическом танце. Однако времени на поиск Ответа у него не так уж и много, ведь срезанные цветы, какими бы прекрасными они не были, неизбежно увядают. Познав же сокровенное таинство человеческой природы – простирающееся до безграничности бессмертие, он надеется отыскать сияющую тропу в Сознание самого Бога, дабы разоблачить Его Замысел, постичь собственное предназначение и обрести Вечность.

Содержание

Introductio[2]	6
Глава I	9
Глава II	22
Глава III	29
Глава IV	37
Глава V	43
Глава VI	49
Глава VII	54
Глава VIII	59
Глава IX	71
Глава X	74
Глава XI	83
Глава XII	86
Глава XIII	93
Глава XIV	96
Глава XV	100
Глава XVI	105
Глава XVII	108
Глава XVIII	111
Глава XIX	130
Глава XX	137
Глава XXI	142
Глава XXII	148

Глава XXIII	155
Глава XXIV	163
Конец ознакомительного фрагмента.	167

**Наталья Сергеевна
Алмазова
Морфоз
Повесть белой лилии
Книга первая¹**

Творцу в душе каждого посвящается.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Introductio²

Подернутое поволокой небо расплзлось удушливым саваном над шумным, озябшим городом, ни мало не тревожась о его комфорте. Полуистлевшие листья пустынных скверов уныло тарачились своими мутно-желтыми глазами в недосяжимую для них высь, хлюпая размякшей плотью под ногой редкого прохожего. Выцветшим флагом над горизонтом лениво реял закат, едва заметный за монотонными шеренгами туч. Поздняя осень. Обнажённая гниль, еще не покрытая снегом, пахла сыростью и тленом. Такой Земля предстала предо мною впервые – так звали эту крошечную голубую планету, затерянную в космической необъятности вместе со всеми своими опавшими листьями, ссутулившимися под дождем домами и витиеватыми лентами центральных улиц.

В сумерках подобно двум черным шлифованным обсидианам блеснули мои настороженные глаза, ощупывая каждый миллиметр представшей взору панорамы. Здесь я заново учился воспринимать действительность: видеть и слышать как те, кто населял данное космическое тело.

Бледные пальцы неспешно, однако уверенно потянулись к скорченному на ветке кленовому листу. Я решил что пять – вполне функциональное число. Оттого на моей узкой ладони

² лат. Введение.

пальцев оказалось столько же, что и у людей. Я не пытался добиться сходства, но, тем не менее, обнаружил, что весьма и весьма похож на уроженцев планеты океанов. Меня это не смутило и не озадачило. Я не привык задаваться вопросами: я привык знать. И наблюдать.

...Тонкая изящная рука, достигнув цели, сжала в ладони багряно-жёлтый, безжизненный лист, мокрый и холодный. Процессы синтеза в нем давно прекратились, уступая реакциям распада. Мне незнакомо было даже само понятие тления. Но удивляться на тот момент я еще не умел.

Поток информации закручивался вокруг меня вихрем подобно материи, попавшей в поле тяготения черной дыры. Я скачивал файлы непосредственно из банка данных места своего пребывания, имея доступ абсолютно ко всем без исключения сферам. Для меня не было закрытых дверей. Ведь я являлся ключом. Вероятно, самым уникальным и универсальным во всем необъятном Существовании. Но моя уникальность ничуть не тешила мое себялюбие. Я не знал, что такое «себя». Не имел понятия, что означает «любить». Я был исследователем и инструментом в одном лице. И, кажется, теперь ещё и кем-то другим. Новая роль. Смена декораций. Я, наконец, очнулся после долгого тяжкого анабиоза. Я здесь. И я есть я – вдыхающий осень чужого и странного мира. Впервые.

Но... Чем я являюсь по своей природе? Таков был мой первый вопрос, адресованный самому себе. Откликом на по-

ступивший запрос перед моими глазами стали высвечиваться образы памяти чередой тусклых разрозненных кадров. Что это за мрачное, захватывающее дух неживой монументальностью, место? Кто эти создания, так похожие и вместе с тем непохожие на людей? Это странно. Почему они именно такие, ведь вариации форм неисчислимы? Я – один из них? От количества поспешно вводимых в поле поиска вопросительных конструкций у меня потемнело в глазах. Гибкие пальцы, оканчивающиеся длинными серебристыми когтями, коснувшись лба, плавно скользнули по идеально-гладкой коже вниз, ощупывая белое, как мел, заостренное лицо. Я взирал со стороны на тело, которым ныне владел: тонкое, высокое и хрупкое. Материальное. Моё. В голове же гулким эхом пульсировал голос знакомого светила. Звезды, ставшей моим спасителем. Звук, непохожий на звук, образы, лишённые языкового способа выражения. *Salvator*³. Так отныне я буду тебя называть, мое светлоокое солнце.

³ лат. Спаситель.

Глава I

Память Океана

«...Сомнения – пасынки чувств. Страхи рождают тревогу и неуверенность, подрывающие осознание возможностей собственной воли. А ведь волею создаются миры. Сам Абсолют есть лишь её овеществлённая ипостась. Он – воплощение Воли в действии, её дыхание. Указанием перста Его на свет рождается творящий аспект, преобразующий материю: Демиург, Создатель – как угодно. Бог. Вероятно, вы назвали бы это явление так. Сама по себе Воля лишена формы и очертания, она не имеет границ и потому неспособна вместить себя в ограниченное, однако, подобно светилу, что озаряет обращающиеся вокруг него небесные тела, не испускающие потоки лучистой энергии самопроизвольно, так и Воля осеняет касанием свои материальные объекты, в зависимости от близости их к круговращающему центру. Ах, да, я не уточнил, что материя бывает различна. И даже такой невесомой и тонкой, что её практически невозможно ощутить. Мировой эфир – это тоже разновидность материи, только иного свойства. Материя наравне с духом – неуничтожима и вечна. Это качество более или менее точно описывается вашим определением пракрити⁴. Впрочем, не буду дол-

⁴ Пракрити (санскр.), в др. – инд. мысли – первоначальная субстанция, при-

го разглагольствовать по данному вопросу. Сейчас это тебе ни к чему, Мигель – мы уже достаточно о том говорили. И я многое поведал прежде, дойдя до предела понимания человека. Тратить время на пустую болтовню с использованием терминов, лишь в грубом приближении описывающих действительность – не слишком продуктивное занятие. Однако для таких, как вы, существует лишь два способа объяснения: трансцендентальное переживание, либо же речь.

Речь – отпрыск вашего чувственного осмысления мира, и для описания чего-то, лежащего вне умственного и визуально-тактильного восприятия, приходится использовать довольно затейливые аллегории, отождествляя явления духовные с материальными формами, которыми приходится оперировать для передачи сакральных апокрифических знаний. Символы делают полёт мысли более приземлённым. Любая формула, любой начертанный знак. Лишь вне выражения в формах обитают неомрачённые истины. Там, откуда я родом, мы не привыкли пользоваться речевыми конструкциями – они субъективны. Наше общение строилось на ментально-образном принципе передачи информации. Вне личностных оценочных характеристик».

Мне показалось, что монолог мой становится всё более туманным. Впрочем, невзирая на то, Мигель жадно ловил

родные условия чего-либо, материальная основа и первопричина мира объектов. Пракрити вечна, вездесуща, несводима к каким-либо конкретным элементам. Ограниченность и взаимозависимость всех объектов мира предполагает неограниченную и независимую причину их бытия.

каждое моё слово. На бледном лице юноши отражалась молчаливая сосредоточенность. А в его светло-голубых глазах, опоясанных по контуру радужки сапфировою каймою, дробился рассеянный электрический свет, разбегаясь сотнями сверкающих бликов, похожих на солнечных зайчиков, пляшущих на поверхности бездонного озера.

Немного помолчав, я продолжил: «...Абрис духа, погружающегося в недра Несказуемого, размывает собственный силуэт до полного растворения. Капля, лишь отделённая от океана, имеет границу и оболочку, и положение в пространстве, как и чувство этого самого пространства.

В пучине морской она вездесуща. Только движения Несказуемого – вздохи некоей божественной Воли, омывающей прибрежные скалы материи, порождают мириады искрящихся оформленных брызг. И каждая капля хранит в себе память целого Океана...»

Я снова отвлёкся. Но моего слушателя это уже не удивляло: он привык к моему своеобразному стилю изложения, с нескончаемою сменой тем. Мысли мои, некогда последовательные и логичные, стали путаться. Карточка познаний, в беспорядке разбросанная по лабиринтам души, представляла унылое зрелище. И всё же в хаосе и разрухе разорённой библиотеки порой попадались настоящие жемчужины. Откровения, которые этот молодой и увлечённый человек искал, и ради которых готов был слушать моё сбивчивое повествование хоть всю ночь напролёт. Он наивно полагал,

будто бы мне известны все секреты мира, и я могу поделиться ими с ищущим сердцем. Я не желал разочаровывать Мигеля, потому до сих пор не развенчал этого заблуждения. Истории, что я рассказывал юному магу, причудливо сплетая вязь из множества реальностей, все до единой повествовали об эволюции Бытия, не имеющей ни начала, ни конца. О незатухающих колебаниях вселенского маятника меж Пустошью и Существованием. О беспричинности Первопричины, замкнутой на себе самой непрерывным законом Циклов. О пространстве духа и функциях материи. Материя, извечно облекаясь в формы, давала им назначение и свойства. Даже самая тонкая материя духа. Овеществлённые ею предметы, можно сказать, обретали индивидуальные имена. Я на миг задумался о себе самом: ранее у меня не было названия. Имя присвоил мне мой ученик, выхватив его из одной древней религии, как символ моего пути постижения – коллекционирования знаний – расчётливого, холодного и точного, как скальпель хирурга. Лишённого морали и жалости.

...Уйдя в раздумья, я, как видно, надолго замолчал, перебирая в острых когтях волокна искусственного света, подобно нитям тончайшей паутины. *Discipulus meus*⁵ вежливо обратился ко мне по имени, дабы прервать затянувшееся безмолвие. И, не разделяя чертога мысли от произносимого в слух, я продолжил говорить, вновь изменив направление беседы: «...Здесь, на Земле, принято давать имена окружа-

⁵ лат. Мой ученик.

ющим предметам, ощущениям и явлениям, таким образом как бы закрепляя их объективное существование. Консолидируя реальность. Я уже привык к этим некогда новым законам вашего мира. Адаптировался.

В нашей Обители всё было иначе. Ни имён, ни названий. Существовали лишь восприятие и знание. Общаясь, мы как бы обменивались друг с другом данными о том или ином объекте или категории. Виденье наше было объективно и неискаженно, и потому идеально подходило для передачи информации. Здесь в былые времена также существовало подобное. Я уже упоминал Атлантиду, как ты помнишь. Но непрерывная динамика вашей модели мироздания привела к нынешней системе устройства и её законам. И, знаешь ли, мне они даже нравятся. Если вообще допустимо говорить о том, будто бы мне что-то может нравиться».

Я поднялся и подошёл к окну. Вперёд, насколько мог охватить взор, пестрокрылою птицей под шёлковым балдахином ночи раскинулся город.

Сонмы огней, мерцая и переливаясь, играли бликами на мокром асфальте ветвящихся артерий дорог. Я видел это уже не в первый раз, но панорама не переставала казаться мне... прекрасной? Да, я привык. Я стал настолько человеком, насколько позволяла мне моя природа и память. Прожив не одну жизнь среди людей в их смертных телах, я, кажется, отчасти научился понимать этих занятных созданий. Только отчасти: ведь в человеческих оболочках под завесою чужой

личности я не сознавал происходящего со мной, пребывая будто в глубоком анабиозе и не помня, кто я. Точнее, кем я был прежде. Хотя сейчас это «прежде» представлялось неясною далью. Недоступным островом грёз, объатым амиантовой дымкою. Но, невзирая на то, моя призрачная родина жила во мне. Жила неизбежно.

Я обернулся.

«Пожалуй, быть человеком не так уж и плохо. Что за саркастическая усмешка? Ты даже не представляешь, сколь велико число степеней свободы, дарованное представителям вашего духовного вида – уж позволь мне эту вольность выражения.

Я бывал в разных мирах в своё время. Ведь в этом смысл существования подобных мне: мы – цивилизация, общность, раса – как угодно – созданная Познать. Вот наше предназначение, определенное нам Творцом. Однако избранный нами путь познания иной, нежели характерный для человечества способ: являясь в большей степени существами духовного плана, нежели материального, мы перемещаем свои проекции по неисчислимому множеству лабиринтов мироздания, вбирая в себя информацию об устройстве и формах тех вселенных, в которых нам предстоит очутиться. Это состояние подобно глубокому трансу. Свободное от ограничений сознание способно проникнуть в каждый закуток любого мира, настраивая энергоинформационный портал, как радиочастоту для передачи данных. И, доступное одному из

нас, становится достоянием всех. Разнообразие сотворённых вселенных неисчислимо велико. А мы – мы подобны архивариусам, изучающим, собирающим и сохраняющим древние свитки – модели и образы существующих мирозданий – фиксируя вечное движение в неподвижности, как на фотопластинке. Можно сказать, что мы познаём разнообразные вариации путей познания... Бога.

Среди нас есть свои неофиты, иерофанты, ступени и ступени посвящения: каждый работает со сферами своего уровня. Мы никогда не вмешиваемся в процессы ароморфоза⁶ или деградации мирозданий: каждый Создатель осуществляет Высшую Волю согласно собственной расположенности.

Да, у каждой Вселенной есть свой Демиург, но он – лишь одна из персонификаций Абсолюта, в том время как сам Абсолют исходит из Непроявленного и Непостижимого. Безмолвного и лишённого формы источника, Ни-что. Он есть, и его нет. Это сложно понять, знаю. Я, впрочем, стараюсь без подробностей, лишь схематично описать тебе устройство многомерного Бытия, мой *juvenis alumnus*⁷, указав на его первопричину как на аксиому – недоказуемый и не отрицаемый факт. Не каждый аспект Сущего нуждается в доказательстве, и это нужно уяснить. Когда мой взор был незамут-

⁶ Ароморфоз (др. – греч. *αρω* «поднимаю» и *μορφή* «форма») – прогрессивное эволюционное изменение строения, приводящее к общему повышению уровня организации организмов. Ароморфоз – это расширение жизненных условий, связанное с усложнением организации и повышением жизнедеятельности.

⁷ лат. Юный ученик, последователь.

нён, я видел дальше. Вероятно, в те времена мне удалось бы лучше объяснить все эти метафизические тонкости. Но с тех времён я изменился, и многие ключи от многих дверей утеряны мной. Вместе с тем однако, я начинаю собирать себя по осколкам сызнова. Это... так сложно: выстраивать разбитый на миллион частей витраж. Лишь твоё желание, ученик мой, познать сокровенные тайны божественности побуждает меня вспоминать их. Ведь мне самому эти таинства уже ни к чему.

...Моё возвращение из отсутствия было подобно новому рождению. И, будто младенец, покинувший чрево, однако ещё сохранивший смутные воспоминания о Запредельном – Той Стороне, откуда он пришёл – так и я вспоминаю некогда известное. Но то, что виделось простым вне земного бытия, уже таким не кажется. Однако я буду стараться прояснить и для себя, и для тебя эти смутные грёзы – миражи Вечности из кладовой моей памяти.

...Я снова вернулся в свою оболочку, наконец, собрав все её уровни воедино. Вернулся спустя столетия, проведённые мною в обличиях землян. Энергетическая атмосфера вашей планеты сделала мои тонкие тела более плотными и материальными, и всё же... я могу себя узнать».

Я устремил взор на холодное стекло в оконном проёме, отделяющее стихию ночи от шаткого покоя замкнутости бетонных стен. Сейчас, в чертах лица, того лица, что я носил когда-то в ином мире, я видел... своё прошлое. Зеркаль-

ная гладь окна отражала слабый отсвет уличных огней в бездне меланитовых⁸ глаз. Вновь моих. Лишённые равно белка и зрачков, они не походили на глаза людей. Хотя весь мой облик в целом можно было бы назвать антропоморфным, однако, с присущим рядом отличительных черт. Я не без усмешки подумал, что напоминаю загримированного актёра из странноватого сюрреалистического спектакля. Снежно-белые кожные покровы, гладкие, но матовые, были похожи, скорее, на мрамор, нежели на человеческую плоть. Волосы аналогичного цвета, застывшие длинными иглами, будто известковые сталагмиты, сформировали на моей голове довольно незаурядную причёску, скрывая своим каскадом спину до линии талии. Впрочем, в собственной антропоморфности я не видел дилеммы: в этом и других мирах обитало великое множество материальных и полуматериальных существ всевозможных форм. Число вариантов было бесконечно, не исключались и повторы. То, что мы оказались похожими на людей или же люди на нас – всего лишь игра вероятностей. Пускай я и выглядел как сын Земли, по существу, я им не являлся: ведь внешнее сходство вовсе не означало тождественность внутреннего содержания.

У меня не было сердца.

Как, впрочем, и лёгких, и печени, да и вообще жизнеопре-

⁸ Меланит (от др. – греч. μέλας – чёрный) – минерал, непрозрачная разновидность андрадита, чёрного цвета. Относится к группе гранатов. Используется в изготовлении ювелирных изделий, в качестве траурных украшений.

деляющих систем человеческого организма. Это делало моё тело полностью автономным – самодостаточным, и, практически, независимым от внешних условий. В наличии имелось лишь нечто среднее между системой кровоснабжения и нервной системой, если уж сравнивать с людской физиологией. Но только эта замкнутая сеть была куда более разветвлённой, нежели кровеносные сосуды или нервные волокна, и вместо крови содержала в себе универсальный носитель – условно назовём его так. Уникальный медиатор.

Эфир. Передающий информацию куда быстрее любого нервного импульса и обеспечивающий мгновенный безошибочный отклик в действии одновременно с мыслью. Впрочем, я счёл, что приводить подробное описание своего внутреннего строения ни к чему: моего ученика не столько занимало моё уникальное тело, сколько волновал мой разум, мнящийся ему совершенным. Божественным. Потому мои повести отнюдь не были детальными обзорами законов и формул, закосневших в собственной непреложности. Скорее, они походили на дорогу, что рождается с каждым шагом идущего по ней странника – кажется, я слышал подобное выражение меж уроженцев третьей планеты...

...Вернувшись из мира собственных раздумий, я продолжил прервавшуюся беседу с моим учеником, как ни в чём не бывало: «...Знаешь, Мигель, я не привык задаваться вопросами «как?», «для чего?» и «зачем?». План Абсолюта совершенен. Путь реализации неисповедим. Его созидаю-

щие сверхсознательные аспекты выстроили многообразнейшие и причудливейшие концепции Бытия, распростёртые в беспредельности, одарив целью и смыслом каждое своё творение. Они объединили физическую и духовную природу, на границе сотворив множество существ переходного вида. Замяли цепь эволюции от схождения в плотные слои материи до возвращения к духу, представляющему, однако, лишь разновидность материи тончайшего плана. В каждом из миров существует своя причинно-следственная связь – можно сказать, карма и дхарма – обусловленные закономерности и распорядки. Даже если на первый взгляд строй кажется хаотичным, поверь мне – он упорядочен, просто структура его неочевидна. Даже в броуновском движении траектории частиц предопределены совокупностью множества факторов: случайных перемещений не существует, только просчитать и учесть все варианты не так-то просто. В мире чувственных ощущений всё также неизбежно детерминировано. Вы, люди, привыкли поэтизировать чувства, считать их чем-то непостижимым, приходящим ниоткуда. Неуловимым ветром вдохновения. Я знаю, что это не так. Именно знаю. Ведь прежде, изучая ваш мир, ещё будучи адептом своего Храма, я отворил все двери этой реальности теми ключами, что были у меня. Мой дух – своего рода, универсальная отмычка. Он способен «подстраиваться», адаптироваться. Ключ – это код. Энергоинформационный шифр тонких тел. В том моя природа и смысл – отворять двери святилищ чуждых Богов,

дабы разгадать их Тайну. Ваш мир изначально не показался мне особо примечательным. Я полагал, законы функционирования этой системы определяются вполне постижимыми причинами и даже представить не мог...»

Я замолчал. Мигель более не задавал мне вопросов, но я чувствовал его взгляд. В устремлённых на меня светлых внимательных глазах было куда больше, чем в любом произнесённом слове. За окном, пробиваясь сквозь скатанный войлок густых туч, едва брезжил мерклый рассвет, предвосхищая новый день.

Не оборачиваясь, я изрёк, обращаясь к юноше, так неосмотрительно разменявшему ночные грёзы на мои отстранённые чудаческие речи: «Ты устал. Отдохни». Я знал, что этот упрямый молодой человек вряд ли согласится по доброй воле отправиться в царство снов, зная, сколь зыбко само моё присутствие, и что в каждый момент я могу исчезнуть на неопределённое время, оказавшись где-то ещё. А ему придётся ждать. Жизнь ведь так коротка. Зато длинна вечность, из жизней состоящая.

Не слушая возражений Мигеля, я продолжил смотреть сквозь стекло и своё отражение в нём на сгорающую в неоновом пламени ночь и далёкие всполохи зарницы. Фраза моего ученика оборвалась на полуслове. В бессилии склонившись лбом на скрещенные на столешнице запястья, юноша уснул. Я решил, что так для него будет лучше. Порой мне тоже хотелось уснуть, обхватив колени своими холодными руками,

закрыть глаза и падать, падать в неохватную бездну обрывков воспоминаний и событий, которые никогда не происходили. Забыться. Увидеть в садах Морфея то, о чём я даже не смел мечтать, мечтать не умея. И поверить в это...

Но подобные мне никогда не спят. Ныне я о том жалел.

Глава II

Пепел тайны

...За хрупкой стеклянной мембраной пульсировала жизнь. Она то шумно вздыхала в шелесте шин и пререкающихся гудках автомобилей, то тихо замирала ветром в красочных, но омертвевших листьях придорожных клёнов. Я вспоминал. И сквозь меловую завесу веков беспамятства начинали проступать знакомые образы, будто в густом тумане вдруг проявлялись очертания, порой возникающие из дымки внезапно, когда приближаешься к ним вплотную.

...Знакомый узор рассыпанных в бездонных глубинах небосвода светил, сплетающийся в галактики. Врата Храма. Лицо Учителя. Святая святых. И... бесконечно долгая, безысходная тьма саркофага.

Всему, что ранее было знакомо мне, всему, что прежде не имело названий, я дал имена, отождествляя с предметами Земли, проводя параллели и угадывая отдалённое сходство. Я научился оперировать образами и понятиями людей, вживаясь в их систему восприятия, и уже не мог с уверенностью ответить, какому из миров принадлежу.

Моя планета, на которой располагалась Цитадель, её лишённое жизни погасшее солнце и пустынный ландшафт, мо-

рионово-чёрные⁹ стены Храма, испещрённые причудливыми арабесками – все эти образы восставали предо мною исполинами, пробуждающимися от оцепенения беспамятства. Я гнал их прочь, немеющею рукою царапая своё отражение в бесстрастной глади окна. Я знал, что рано или поздно придётся вспомнить и то событие, по вине которого я оказался здесь. Это не давало мне покоя. Я приложил немало усилий, чтобы сокрыть от самого себя своё прошлое и погребённые под пеплом его тайны. Но никакие печати не в силах были выстоять пред ликом воскресающей истины. Доходя до безумия, я даже надеялся, что Они придут за мной раньше, чем я успею прочесть криптограмму в собственной душе. Да, теперь я знал, что такое страх – человечность выросла в моё существо подобно раффлезии¹⁰, что хищными своими корнями-гаусториями опутала сознание и пронизала тонкие оболочки моего духа. Но Они... Они были больше, чем страх. Custodes Veritatem – Хранители Истины. Бдительные, беспристрастные Стражи.

...Когда я вновь увидел Мигеля, спустя несколько дней,

⁹ Морион (нем. Morion, от лат. morion – кристалл тёмного цвета), разновидность кварца, кристаллы, окрашенные в тёмный дымчатый, почти чёрный цвет.

¹⁰ Раффлезия (лат. Rafflesia) – род паразитических растений семейства Раффлезиевые. У раффлезии отсутствуют органы, в которых бы шёл процесс фотосинтеза; более того, у представителей этого рода отсутствуют и стебли, и листья. Проросток раффлезии внедряется в корни растения-хозяина с помощью корней-присосок (гаусториев). Насекомых-опылителей (обычно это лесные мухи) цветки привлекают видом и запахом разлагающегося мяса, за что их еще называют «трупными лилиями».

что я провёл, скитаясь по безлюдным улицам и паркам осеннего города и предаваясь безмолвному созерцанию, я рассказал ему о своих кошмарах. Для меня беспокойство и страх являлись новой, неизведанной областью, и я счёл нужным поделиться этими ощущениями с тем, кто имел больше опыта в данной сфере, а отнюдь не из желания разделить свои опасения. Я не надеялся на сочувствие и не нуждался в утешении. Мне просто необходимо было идентифицировать этот массив чужеродных данных, спонтанно возникший в моей безукоризненной духовной организации. Вот и всё. К тому же, мой ученик весьма кстати спросил меня, есть ли в мире хоть одна вещь, которой бы я боялся. И я ответил, рассказав ему, пожалуй, о самых прекрасных и величественных созданиях среди нас – Хранителях.

«...Когда-то я мог считать их своими братьями: взаимосвязь меж всеми нами так тонка, что я способен провести аналогию лишь с кровными узами между людьми.

Хранители же – Перворожденные – достигшие вершины духовного мастерства ранее всех прочих Сотворённых. Это изумительные существа, не допускающие ошибок и искоряющие любые сбои. Мне не хотелось бы, чтоб они видели меня таким. Я дисфункционален. Слово человек, подвергшийся деструктивному воздействию, к примеру, облучению мощным ионизирующим излучением. К тому же, я сбежал, выкрыв собственное тело из изолятора – саркофага. Это серьёзный проступок. И глупый. Я должен был остаться, при-

няв свою участь как логичный исход. Но проявил малодушие. Я понимаю, что осуждать за то Хранители меня не станут: они – последователи безукоризненной Закономерности, лишённые даже зачатков чувствований низшего плана. Всё их поступки – неизбежность. Ни презрения, ни жалости не испытают они к такому слабовольному ничтожеству, как я. Лишь бесстрастно обратят мою душу в прах, завещав осколки Зыби – Пустоте. В её объятиях у меня уже не будет самосознания. И вообще ничего не будет. А я...

Я хотел бы умереть. Умереть, Мигель, да! Как умирают люди. Ваш Демиург одарил вас бесценным качеством – неуничтожимостью вашей глубинной Индивидуальности. Другими словами, посмертно ваше высшее «Я» всё же продолжает объективно существовать. Вы можете вспомнить любое из пройденных воплощений и вернуться в него, или же одновременно прожить эпизоды сразу нескольких воплощений. Время становится категорией относительной за гранью, и Вечность – это длящийся момент настоящего. Вы способны быть любым аспектом своего «Я» каждый миг. Вы зовёте это качество бессмертием духа, который продолжает свой путь и после разрушения материального носителя – физической смерти. А мы – мы никогда не умираем.

Ты знаешь, наши тела не имеют срока службы: другими словами, они существуют как более плотные оболочки наших душ. И составляют единое целое с нашим личностным самосознанием. Нам не нужно менять роли и качества,

как вам, следуя по этапам духовного анагенеза¹¹. Вы совершенствуете и утончаете чувства, перерождаясь, делаете ваши устремления более возвышенными, познаёте Первопричину посредством шлифования своего отношения к ней до кристальности. Вы зовёте Ваш путь постижения путём Сердца. Мы иные. Мы лишены субъективной оценки изучаемых нами явлений. Беспристрастные и гармоничные, наши действия подчинены Закономерности. Наше мышление – совершеннейшее воплощение логики и указаний Творца. В нас отсутствуют чувственные категории восприятия. И нет ни возможности, ни желания выйти «за рамки». Мы – совершенные дети совершенного Создателя. Мы отражаем свет центрального солнца без искажений, в то время как вы... преломляете его через призму собственного чувственно-ментального восприятия действительности».

Я умолк. Дождь что-то тихо прошептал поникшей жёлто-бурой листве старого дуба, запутавшись в его раскидистых ветвях. Собственная спонтанная исповедь опустошила меня. И ощущение внутреннего вакуума было таким глубоким, что мне почудилось, будто бы я одной ногою уже касаюсь Зыби.

Внимательные голубые глаза юноши, чутко слушавшего меня всё это время, неотрывно следили за изменениями в моём лице, в то время как сам я наблюдал за догорающей

¹¹ Анагенез (от греч. ана– вновь и génesis – возникновение, происхождение) в биологии, тип эволюционного процесса, близкий к прогрессу.

в медном зареве листьев осенью. Каждое слово меняло меня. Каждый обрывок воспоминания, воскресающий из пепла, оставлял след. Я не приглашал чувства в свой внутренний мир, и, тем не менее, бесцеремонно явившись, они принялись модернизировать старые обжитые интерьеры моей души на свой лад. Как ни пытался я выставить непрощенных гостей за дверь, мне это не удавалось. Я опасался, что однажды заплутаю безвозвратно в собственном перестроенном доме.

«С вами всё в порядке, Учитель?» Я вздрогнул, одновременно с тем озадачившись, почему Мигеля это вообще должно волновать. Я ведь просто подборка знаний, некогда рассортированных по алфавиту, но ныне спутанных. И ничего кроме. Зачем он спрашивает обо мне самом? Прежде я мало о себе рассказывал своему ученику, больше говоря о духовных законах и иерархиях его мира, открывая те сокровенные тайны, что этот сообразительный юноша так долго искал в непроглядной чащобе эзотерических учений и одряхлевших религий. Приподнимая завесу Изида, я позволял ему видеть фрески вечности, но под тем углом зрения, к которому была расположена его душа. Однако последние несколько встреч Мигель стал задавать мне вопросы обо мне же. Это слегка удивляло и настораживало: я никак не мог взять в толк, к чему ему лишние и бесполезные сведения? Но лгать я не умел. Я ещё не научился этому весьма полезному свойству и потому отвечал как есть. *Discipulus meus* тревожился обо

мне. Его участливое беспокойство ввергало меня в недоумение. Впрочем, я списывал всё это лишь на заботу об источнике данных: мой ученик очень бережно относился к старинным книгам и рукописям, которыми владел. Иногда мне казалось, что я для него – одна из таких вот редких и занимательных книг, нуждающихся в должном обращении и аккуратном пользовании. Потому молодого мага и волновало то, что порой я исчезал на недели, и даже месяцы. А затем без предупреждения появлялся вновь. Хотя я даже не покидал этого города: по нескольку дней к ряду я мог провести на одной из пустынных крыш, внимая шелесту дождя и пению ветра, или же прислушиваясь к людским голосам, читая в их интонациях надежды, мечтания, чувства... С рвением обречённого пытаюсь постичь божественную Тайну бессмертных духом.

Глава III

Мечты перекрёстка Мирон

Ветер, беспечно швыряющий листья на тротуар, казалось, разгуливал и в моих мыслях тоже. Ветер, чем-то напоминающий мне шорох человеческого дыхания. Я внезапно вспомнил, что в парке я не один. Безмолвно, не отрывая меня более от маниакально-захватывающей интроспекции, рядом шёл невысокого роста юноша, едва достающий до моего плеча. Длинные чёрные волосы его неряшливо спутал промозглый осенний сквозняк, цепляясь за полы поношенного пальто молодого человека. К подошвам остроносых туфель, расшитых причудливым узором, бесцеремонно льнула сырая листва. Я сверху вниз поглядел на своего молчаливого спутника. Это хрупкое, ранимое существо не раз меня удивляло собственным умением задавать каверзные вопросы. И вместе с тем неограниченно и терпеливо мне доверять. Иногда мне начинало чудиться даже, что для всех прочих представителей людской расы мы оба кажемся неправильными и странными в равной степени. Невзирая на то, что он являлся одним из них в силу своей природы, а я – нет. Время от времени я готов был поверить уже и в то, что и я, и юный маг – не из этих мест. Чужеземцы, не знающие языка и обычаев своего временного пристанища. Пускай и другие в этих

чертогах тоже были всего лишь гостями, которые сочли себя за хозяев.

Быть может, по данной причине я и избрал себе в ученики именно Мигеля, предпочтя его множеству более одарённых и так же жаждущих истины искателей. Не за выдающиеся таланты этот человек был выбран мной, а только лишь за особые свойства своего сердца. Говоря о сердце, я, конечно же, имел в виду метафору, характеризующую особый план чувствования. И сердце это в действительности было крайне необычно: безграничное, как море, способное вместить и принять то, чему человеческий разум отказывался верить. Свободное от тщеславия и суетности, его сердце было идеальным сосудом для тех откровений, которые я ему раскрывал. Мне нравилось, что Мигель умеет слушать, воспринимая довольно сложную информацию, если и не посредством ума, так интуитивно. Для меня это было крайне важно: я полагал, что если он поймёт меня, я сумею понять его и, таким образом, достигнуть заветного рубежа – бессмертия, Вечности, пройдя до неё тропой человека.

Разумеется, беседуя с моим учеником о мироустройстве я о многом умалчивал: для каждого этапа развития характерно прочтение вселенской Скрижали в определённом направлении, хотя количество таких направлений безгранично велико. И каждый раз символы Бытия складываются в новые слова и предложения. Я пытался быть с моим слушателем на равных, чтобы он успевал следовать за мной в запутанных

эзотерико-философских лабиринтах.

«...Тебя интересует, почему для побега я остановил свой выбор именно на Земле? Потому, что ваша планета – особенная. Это перекрёсток миров. Здесь пересекается множество порталов и путей. Ты, вероятно, привык думать, что вокруг тебя всего лишь люди – но взглядишь внимательнее! Насколько вы все отличны друг от друга. И дело даже не в расовой принадлежности или географическом факторе, не в генетике и не в воспитании, да и социальная среда играет лишь опосредованную роль. Вы – многие из вас – принадлежите к разным ступеням развития, пространствам различных частот и закономерностей. Но здесь правила игры унитарны для всех, и вы подчиняетесь законам этого места, участь сосуществовать и находить точки соприкосновения ваших интересов. Здесь каждый уникален. Понятие, что так приелось в звучании – «серая масса» – абсурд. Ваша планета – самая пестроцветная мозаика, которую мне когда-либо приходилось видеть.

Да, среди вас есть классы существ одного типа. Но многообразие этих кластеров так велико, что нет возможности выделить какую-либо одну довлеющую над другими разновидность. Я заметил вашу Вселенную и эту планету потому, ученик мой, что здесь меня не так просто будет найти. А вот добраться сюда особой сложности не представляло, особенно для того, кто ранее тут бывал. Однако сейчас, когда я вернул свою истинную оболочку, я, таким образом, позво-

лил Великим Стражам определить направление моего бегства. Но выбора всё равно не было: моё тело в саркофаге нашли покинутым духом. И мне пришлось его спешно забрать, хотя я способен был обходиться и без него. Я не знаю, когда Хранители явятся за мной, вычислив точный маршрут и распутав цепочку следов меж мирами. Это может произойти через несколько часов или же столетий. Временные перипетии переходов настолько зыбкие, что предугадать момент их прибытия мне никак не удастся. Потому у меня есть к тебе одна просьба, *discipulus meus*: когда я покидаю тебя на неопределённый срок, перестань ждать моего возвращения – это ни к чему. Я буду учить тебя пока я здесь, и пока я... существую. Но в любой момент это может прекратиться. Ты и так многое уже видел. Тебе стали доступны такие вещи, к пониманию которых иные идут не одно воплощение, очищая свой дух от земных страстей и привязанностей. Становясь богоподобными при жизни, они постигают тайны Творения, но путь этот труден. Избранных ведут к прозрению создания более тонкого плана, обитающие в околоземных сферах на разных уровнях, поддерживая и наставляя своих адептов в учении. Долгие-долгие годы. А тебя этой короткой потайной тропой провёл я. Можно сказать, тебе открылся вид с вершины горы, на которую ты не взбирался. А просто оказался там. И если искатели истины, следующие тернистым путём навверх по крутому склону, по дороге сдирают с себя всю чувственную человеческую часть в нескончаемых подь-

ёмах и падениях, отдаляясь от материальных и астральных привязанностей, брошенных ими у подножия гор, то ты – ты по-прежнему человек. Твои желания не омертвели и, как прежде, живут в тебе. Но ты видел, какой вид открывается с вершины хребта. Зная финальную цель, подниматься, быть может, станет проще. Иного выхода нет. Восхождение – стезя эволюции данного мироздания. Даже если ты и видел панораму с горного пика, тебе придётся вновь взобраться на него, но уже самостоятельно, оставив ношу привязанностей у подошвы гор».

Я на некоторое время прервал собственные разглагольствования, одарив моего юного спутника серьёзным пристальным взглядом, как и подобает строгому ментору, объясняющему ключевой момент. Ответом мне был открытый, светлый взор голубых, как небо, глаз, контрастно обрамлённых длинными чёрными ресницами. У меня самого не было ни ресниц, ни век.

Правда, последнюю деталь, спустя некоторое время к своему образу я всё же добавил. С помощью неё проще было имитировать людские эмоции на собственном белокаменном лице.

«Знаешь, Мигель, – уже мягче заговорил я. – Мне... даже нравится твоя способность чувствовать и эмоционально переживать каждый момент настоящего. Вероятно потому, что сам я некогда был этой способности лишён. Теперь для меня то качество, от которого вы так стремитесь избавиться, воз-

вышая дух, именно эта особенность стала самой священной и желанной. Мне нравится быть живым, мой ученик, живым в плане ощущений и переживаний. Не гуру, достигшим просветления, но простым человеком. Плакать, смеяться, испытывать страх и смятение, надеяться... У вас, у людей, я, кажется, научился... мечтать. Ведь мечты – не что иное, как порождения желаний. А желания – чувственный аспект человеческой жизни. Мечты бывают возвышенными и альтруистичными или же прагматичными, обусловленными эгоизмом. Так или иначе – это удивительная способность! Для меня каждый миг на этой планете – величайшее чудо. Наблюдая за тобой, я не перестаю учиться тончайшим граням ваших эмоций. Те воплощения, что я прошёл в человеческих формах, не в счёт – это были лишь печати забвения, ловушки для моих воспоминаний. Из опыта подобного рода я почти ничего не усвоил. Только вновь став собой, вернув изначальную индивидуальность, я начинаю познавать этот мир изнутри. Твоё присутствие играет в этом процессе большую роль. «Docendo discimus»¹². Равно как и я твой, ты – мой Учитель».

Я, благообразно склонив голову, едва заметно улыбнулся бледными губами, глядя на своего ученика, смущённого подобным признанием. В его немного растерянном взгляде передо мной разворачивался удивительный мир непознанного сокровенного Таинства, которое я назвал Человечностью. Я замер, прислушиваясь к чудной мелодии Жизни – бытия,

¹² лат. Обучая учимся.

равно осенённого сознанием и чувством. Юноша же в смятении глядел на меня, и я отчётливо видел вопросительную интонацию в точёных чертах его лица: как может он, смертный, научить меня, всеведающего странника, хоть чему-то, пускай даже и малому? Он себя явно недооценивает, – подумалось мне. Было в этих задумчивых, слегка изумлённых глазах и нечто неуловимое, но я не сумел угадать призрачный оттенок ускользающей эмоции. Мне вдруг захотелось поразмыслить обо всём об этом наедине с собой.

...Лёгкий порыв ветра, срывающий янтарную листву с деревьев в парке, отвлёл Мигеля от созерцания моего лица, а когда он вновь обернулся, меня в поле его зрения уже не было. Я издали наблюдал, как недоумённо молодой человек оглядывается по сторонам, слушал шелест его запылившегося от городской копоти старого пальто и то, как мой ученик окликнул меня этим странным, но ставшим уже таким родным, именем. Именем – криптограммой. Я ощущал себя в тот момент почти живым, не смотря на то, что тело моё было твёрдым и холодным, подобно изваянию из камня, и ничуть не напоминало собой биологический объект. Но то, что люди зовут жизнью – это не только ток крови в стенках сосудов, не сокращения сердца, не выдох и вдох. Это...

Нить моего размышления прервалась: будто удар, пришедший изнутри, странное ощущение наполнило моё существо. Медленно, со скрипом отворялись старые заржавевшие ворота, которые некогда я собственноручно запер, не желая

помнить, так как память для меня стала пыткой. Но время
пришло.

Глава IV

Наперегонки с Воспоминаниями

Мешаясь с серым дождём угрюмых улиц, забытые эпизоды былого рвались наружу, желая изобличить себя. Будто хищные гарпии, кружились надо мной разрозненные кадры далёкого прошлого, затерянного в блеске полихромного сияния звёзд, укрытых муаровой дымкой междумирья. Прошлого, такого ирреального и вместе с тем настоящего. Острым лезвием секиры полоснув сознание, пред взором моим восстал из праха небытия холодный насмешливый взгляд. Я не смел осуждать Его. Но не мог и простить, поклоняясь как Богу Тому, кто не являлся даже одним из нас. Откровение, что я некогда выкрал из-за чёрных неприступно высоких стен Цитадели, оказалось слишком разрушительным для моей не ведающей сомнений убеждённости. Я думал, поверженные кумиры, сброшенные со своего пьедестала, немеют, скованные вечным молчанием развенчанности. Но Он... Он смеялся. И это было хуже всего.

Черты лица мои исказило страдание. Сжав голову руками, я чувствовал внутри себя всевластие изошрённой пытки пронзительным ледяным взором своего разоблачённого божества. Бросившись прочь, не разбирая дороги, я пытался, казалось, оторваться от погони преследующей меня соб-

ственной тени. Но разве возможно это? Обогнуть Память, прикованную к твоим следам? Я бежал, не отдавая отчёта, что делаю. Одинокий и чужой в шумном, переполненном транспортом и людьми мегаполисе. Машины резко тормозили в считанных сантиметрах передо мною, грубо взрывая воём клаксонов тонкий осенний воздух. Через некоторые легковушки, возникающие на пути моего дикого бегства, я просто перепрыгивал, отталкиваясь от их крыш, чем, вероятно, немало удивлял случайных свидетелей таких выходов. На моём маршруте, лишённом всякой логики и изящества, преградой выросла стена невысокого дома, по которой без особых трудностей я взобрался наверх, затратив на то не более двух секунд: мои когти на руках и ногах были остры и прочны, тело – гибкое и безукоризненно-точное в своих движениях. Вероятно, я мало напоминал антропоморфное существо, передвигаясь подобным образом. Скорее, химеру – странно-ватую смесь человеческого с потусторонним.

Сосредоточенность на движении отвлекала от мысли, и потому я бежал, увлечённый собственной грацией. Мне никогда прежде не приходилось ни от кого и ни от чего убегать. Оттого я не ведал, что способен делать это столь элегантно. Мой дальнейший путь пролегал по крышам. Мне вдруг стало совершенно безразлично, сколько людей увидят меня и как будут увиденное трактовать. Прежде я старался ничем не смущать землян, и вёл себя соответственно принятым меж ними моделям речи и действий, хотя внешне несколько от-

личался от среднестатистического городского жителя. Впрочем, указанное обстоятельство – досадное визуальное несоответствие, которое я не пожелал устранить – при наличии двух рук, двух ног, двух глаз и ушей, представлялось не более чем экстравагантностью выражения, а никак не аномалией, чего нельзя было сказать о прыжках по крышам. Но в тот момент, когда рушится твоя система мироустройства, всё прочее теряет какую бы то ни было важность. Потому я ни мало не беспокоился о том, какой вред способно нанести психике созерцание моих действий случайными очевидцам.

Так я достиг набережной, где благополучно спрыгнул на тротуар с высоты пятого этажа. Я сознавал, что могу бежать хоть вечно, опоясывая Землю кругами, и не устану. Понимание этого факта заставило меня, в конце концов, остановиться. Будто в бессилии, я опустился на гранитные ступени у самой воды, скрестив руки на коленях. Я был измождён внутренней борьбой, которую затеял по своей же инициативе. В подвижном, колышущемся зеркале отражений я пытался угадать ответ на вопрос, задаваемый себе самому. В заострённости черт собственного лица, в нервном блеске глаз – во всём угадывались тревога и страх. Чувства владели мною, а не я – ими. Вот она, обратная сторона людской жизни. Не к тому ли я стремился, пытаюсь стать одним из них? Не это ли в прежние времена влекло меня в представителях рода человеческого? Их необъяснимая способность поступать вопреки – и законам природы, и духовной эволю-

ции, да и самим себе. Я, неукоснительно следовавший Абсолютной Закономерности, был впечатлён и поражён этим странным, алогичным свойством. В конечном итоге я понимал, что все их отступления – не что иное, как Замысел, размеренный и обусловленный. Но, не заглядывая в надзвёздные сферы, рассматривая эту особенность саму по себе, я не переставал удивляться. И теперь я стал изумлять сам себя.

...Тонкими пальцами бесцельно рассекая собственное отражение, я пытался немного успокоиться и отрешиться от того, что так взволновало мой дух. Какие у Него были глаза!.. У представителей нашей расы, у любого существа, принадлежащего нашему миру, не было и быть не могло таких глаз, и я мог поклясться, что это невозможно. Как случилось подобное?.. Откуда у не-человека взялся человеческий признак?! Я готов был смириться с любой иной деталью внешнего сходства с людьми, но только не с такой! Однако Его сиятельные очи были и не совсем людскими. В них отсутствовал главный фактор принадлежности к земному – чувство. Холодные, безразличные и опустошённые до бездонности, они будто смеялись над всеми моими попытками разгадать их иррациональную тайну. И при всём при том принадлежали эти глаза воплощённому Богу – Посвящённому Иерофанту Храма, исповедующему волю Творца.

Я вздрогнул от собственных размышлений, ударив по хрупкому отражению в воде, раздробив его на сонмы разлетающихся брызг. Меня трясло как от холода, однако, хотя

я и способен был ощущать температурный режим окружающей среды, мёрзнуть я никак не мог. Мысль – энергоинформационная субстанция, которая вполне овеществима, а потому... меня трясло от своих же раздумий, потоки которых ледяными струями пульсировали под моей кожей. Я крепко сжимал плечи дрожащими ладонями, глядя на то, как размытое миг назад отражение вновь обретает целостность в лоне реки. Мне нужен был ответ. И, мнилось, нет иного выхода, как только самому отправиться за ним. Возвратиться в объятия своей покинутой родины к упирающимся в чернильное небо, гротескно-величественным стенам Цитадели. Я знал, что адептам-неофитам, относительно недавно закончившим эволюцию в оболочках космических светил, которым являлся и я, вход сквозь мрачно-возвышенные врата *Superius Sanctuarium*¹³ закрыт. И при всём при этом единожды мне всё же удалось побывать за чертою запрета. Именно этот безумный поступок повлёк дальнейшее моё заключение в саркофаг и последующий побег на Землю, и мои многовековые мытарства в оковах человеческих тел и человеческих личностей, которыми я благоразумно сковал сам себя, зная, что лишь так мне удастся скрыть своё местонахождение – стать кем-то другим. Однако теперь, когда отсутствие моё было обнаружено, мне пришлось спешно возвращать своё наиболее плотное и материальное из тел. Ныне Хранители могли явиться в любой момент, и каждый миг я

¹³ лат. Святилище

ждал их. Так что ж дурного станется с того, если я сам приду за некоторыми разъяснениями? И расскажу другим... Ах, как жаль, что они не станут и слушать, а просто расправятся со мной!.. А мне вовсе не хотелось терять свою личность в бездонной и неохватной утробе Зыби, растворяясь всецело в Несуществовании, лишаясь души и Духа – божественного присутствия. А ведь именно эта участь ожидала меня при встрече со Стражами Истины. Полная аннигиляция. Но, сия незавидная доля, тем не менее, в нашем мире не считалась чем-то неестественным и жутким. Только среди смертных я понял, что это именно так. Для нас, адептов Храма, высшая мера наказания и закономерный исход для каждого были идентичны. Подобно смертной казни среди уроженцев Земли. Только... мне проще было опустить голову на плаху, нежели шагнуть в бесформенный абсолютный вакуум, пускай в вакууме и не будет ни боли, ни страха. Но я предпочёл бы испытать их, нежели пройти путь, проистекающий из Вечного и упирающийся в Бездну – от врат Цитадели до врат Пустоши, возвращения из которой более не будет. Казалось бы, что здесь такого? Ранее меня это ничуть не беспокоило. Теперь же я боялся. Пустота как всевмещающее отсутствие стала моей навязчивой фобией. Я желал бы, чтобы хоть что-то осталось. Крошечный импульс... Ломкий блик света... Однако Ничто не терпит отступлений от канонов собственного совершенства.

Глава V

Высота

Молчание разбегалось по тёмной воде маслянистой рябью. Мне вдруг сделалось до нестерпимости одиноко. Третий день я не сводил глаз с колеблющегося полотна замутнённых вод беспокойной реки и размышлял на отстранённые темы. Всё это время люди мало обращали внимания на меня – в большом шумном мегаполисе ведь полно чудаков.

Было около трёх часов ночи. И ни одна звезда не сияла на дымном, розовато-сером небосклоне, вбирающем в себя зарево ночных огней города. Звёздная высь была плотно затянута многослойным войлоком туч, не имеющим ни единой прорехи, куда могла заглянуть хотя бы одна космическая искра. А я ведь так любил слушать беседы искристых небожителей стылыми зимними ночами, когда небеса всё же прояснялись. Звёзды... они наравне с людьми были осенены дыханием божественного. И уж являлись куда более разумными: светила я понимал, пожалуй, лучше всех прочих созданий этого мира. Их голоса звучали так прекрасно, что мало кто пожелал бы слушать песни детей Земли, после того как услышал бы мелодичную звенящую речь далёких солнц. Но я всё же желал.

Я вспомнил последнюю встречу со своим учеником. Как

только посмел я чему-либо его учить вообще?.. Сейчас я искренне презирал себя за такую самонадеянность. Ведь все эти знания тревожили хрупкую человеческую душу, хоть мои речи и зажигали его взгляд. Зачем Мигелю понадобилось меня слушать? Рано или поздно он своим путём бы добрался до всех без исключения откровений и открытий. К чему было показывать Высоту ещё неоперившемуся птенцу? Вероятно, тому виной моя гордыня и неприкаянность. Я был одинок. Здесь и в миллиардах иных вселенных. Неизбежно, бесконечно. Чужой и отвергнутый всем, чему я некогда служил. Предав собственные идеалы, я вместе с тем хотел быть полезным, нужным. Хоть кому-то. Моя природа настойчиво требовала смысла в собственном существовании. Раз я сам не мог более служить своему Богу, так решил... стать Богом для человека. И я достиг своей цели: мой ученик восхищался мной, как кумиром, легкомысленно прощая за ошибки. Он так искал Бога, он жаждал его, не сознавая, что, то, что он именовал Богом, никогда не покидало его, испокон времён пребывая в нём самом неотлучно. Но пытливый человеческий разум требовал доказательств. А что может быть проще? «*Verba docent, exempla trahunt*¹⁴». Я провёл Мигеля скрытыми тропами до вершин, разворошив тайники Древней Мудрости и дав ему вволю позабавиться с бесценными сокровищами как с безделушками. Пред душою его грех мой был тяжек – ведь я самовольно вторгся в процесс пермута-

¹⁴ лат. Слова обучают, примеры увлекают.

ции¹⁵ элементов высшего плана, тем самым, нарушив естественный ход вещей. Хотя я не думал, дабы и это выходило за рамки замысла Абсолюта. Ведь выйти за эти рамки при любом исходе дел невозможно. Любой путь был спланирован Им, верховным архитектором Бытия. И не существовало той возможности или ответвления тропы, не являющейся Его частью. И всё же я знал, что *discipulus meus* мог прожить иную жизнь. И, вероятно, многомерные аспекты его души уже проживали в смежных с этим мирах. Однако меня на данный момент волновало только «здесь» и «сейчас».

...Ветер скользил сквозь неподвижные длинные и острые, как иглы, пряди моих волос, не тревожа их. Я провёл узкой ладонью по собственной голове, и с лёгким шелестом весь этот колючий частокол прильнул к черепу, в последующий же миг распрямившись вновь. Ныне я забавлялся над собственным обликом. Хотя ранее считал его вполне совершенным. И не желал больше думать. Ни о чём. Не изобретая ничего лучше, как искать изъяны своей наружности и смеяться над ними, что часто делали случайные прохожие, когда я бродил в запутанных капиллярах городских улиц, я вновь уставился в чёрную переменчивую гладь. Я улыбнулся. Сам себе. *Di boni*¹⁶, что за ужасающее зрелище это было! Два ряда острых слегка загнутых внутрь клыкастых зубов сталь-

¹⁵ Пермутация (от лат. *permutare* менять) смена, перестановка, изменение в последовательности определенного количества данных элементов.

¹⁶ лат. О, боже!

го цвета навряд ли могли послужить материалом для обворожительной улыбки. Скорее, вышел звериный оскал. Однако у меня возникли сомнения, что на этой планете водятся такие опасные звери. Я вздохнул. Это было непросто осуществить при отсутствии лёгких, бронхов, трахей и голосовых связок. Тем не менее, я научился имитировать визуальные проявления абсолютно всех человеческих эмоций. Мне нравилось походить на них. Однако я опасался полной идентичности, страшась в таком случае позабыть, кто я есть на самом деле.

Тот странный образ, те очертания, которые на данный момент имело моё низшее по вибрации и самое плотное из тел не были обусловлены никакими причинами жизненной необходимости. Вместо ушей я мог слышать и кончиками пальцев, вместо глаз – видеть кожей. Вероятно, наша раса приобрела наружность подобного плана от собственных древних предков, строение которых подчинялось задачам выживания и функционирования вида. Тогда нос, зубы, язык и прочие физические атрибуты ещё имели смысл, но с тех пор минули эоны веков, – размышлял я, объясняя самому себе такую высокую степень визуального сходства меж жителями заметно разнящихся меж собою удалённых вселенных.

Проделав долгий путь эволюционного развития в разных формах – я смутно припоминал фазы перемен состояний – наши души вновь возвратились к варианту компактных физических конструкций. Внутреннее содержание на-

ших тел изменилось коренным образом, но визуальное соответствие с обликом прошлых тысячелетий было сохранено, по всей видимости, как напоминание о замкнутости циклов, о нескончаемости вечного движения по уходящей в безграничность спирали, где каждая точка расположенного выше витка лежит на одной оси с некоей точкой витка низлежащего, и, в определённом плане, имеет ряд тождественных с нею черт. К тому же, даже самая материальная из наших оболочек была весьма пластична и могла быть подвергнута любым метаморфозам в связи необходимостью. Я полагал, это качество довольно редко использовалось, так как практически любые задачи, которым мы посвящали себя, могли быть решены в состоянии развоплощённого сознания. Тела нужны были лишь для контраста, дабы существовало контекстуальное поле ситуаций. И не более того. Но здесь, на Земле, физическим формам отводилась куда большая роль. Они были и инструментом деятельности, и качеством восприятия, и мерою оценки. Назначение тел мнилось столь многообразным! Тела чувствовали. И, что сперва показалось мне странным: слой низшего плана, которым являлась физическая оболочка, оказывал весьма значительное влияние на слои плана более тонкого. Я видел это своими глазами: когда один человек касался рукою другого, а трепетала... душа. Вероятно, здесь дело было в медиаторстве астральной оболочки. Вот в чём состояло глубинное отличие наших цивилизаций и миров. Эти энергетические сферы в нас разви-

лись по-разному: мы не испытывали много, чему открыто человеческое сердце. Наша цивилизация и её путь – получение абсолютно объективных знаний без их искажения субъективной оценкой восприятия. Проще говоря, у нас не было чувств, но развились последовательность и логика. Вместе с тем наша логика во многом могла показаться иррациональной представителю рода человеческого. Мы руководствовались Абсолютной Закономерностью в каждом своём проявлении, то есть подчинялись высшим духовным канонам нашей Вселенной. Но не из-за особых моральных качеств мы следовали этим путём. Мы просто были такими от Сотворения. Не более того, не менее.

...Заметив вдруг, что измышления мои увели разум далеко от изначальной отправной точки, я усмехнулся. Что же, я стал мыслить непоследовательно, сплетая причудливую нить из многоцветных волокон, переходя с темы на тему, почти как... человек в собственных размышлениях. Жаль, что человеком я был только «почти». Но за этим нехитрым словом из пяти букв притаилась целая пропасть несоответствий, отделяющая нас от них. Бездна, заполонённая до края смехом моего жестокого Творца, предначертавшего судьбу нашей расы. И Он, как мне казалось, совершенно ни в чём не раскаивался.

Глава VI

Возвращение света

В мутном небе размывчатый контур месяца едва просвечивал сквозь плотную текстуру туч. Если б я был одним из сынов Земли, мне должно быть, стало бы неуютно на холодных гранитных ступенях у тёмной как нефть воды. И от заупокойных стонов ветра замирало бы сердце и стыла кровь в жилах. Я пытался представить свои ощущения, будучи одним из них, отпрысков планеты океанов. И, почудилось, будто бы мне удалось это осуществить. Чувство собственной неприкаянности и одиночества в очередной раз накрыло мой мятущийся дух студёной волною. Три дня в диалоге с собственными сомнениями. Но долее я не пробуду здесь и минуты, – твёрдо заявил я сам себе. И решительно поднялся, вознамерившись пойти к Мигелю, как единственному, кто мог меня ждать в этом чужом, но всё же таком безнадёжно прекрасном мире.

...Мой ученик спал. Я бесшумно опустился в кресло подле его кровати. О, как велик был соблазн подсмотреть его сны! Тем не менее, я сдержался. Сейчас я чувствовал себя одним из заблудших духов, что, привязавшись к материи, никак не могут покинуть нижние сферы Земли и скитаются меж живыми, жадно следя за каждым их шагом, вторгаясь

в миры их сновидений, подпитывая свою слабеющую эфирную плоть от чужих энергетических тел, дабы продлить собственное существование. Таких астральных паразитов я видел вдоволь: они боялись меня. Как и многие подобные им обитатели Порога. Я был чужим, однако, знающим, и потому, опасным. Сильным. Мигель считал меня таким. Но я был слаб. Хранителям, явись они за мною, не доставило бы труда схватить меня. И пусть для землян я казался чем-то богоподобным, я знал, что, по сути, это не так. Я – всего лишь неофит, жалкий, напуганный безысходностью, отступник. Мои способности здесь мнились столь значимыми только оттого, что этот мир находился на ступени развития, подразумевающей господство материи и угнетение духа. Но это всего лишь переходная стадия. Далее последует восхождение и чаша весов сместится: когда-нибудь людям станет доступно то, что ныне они считают привилегией ангелов.

...Погрузившись в раздумья о небожителях и смертных, я слушал, как с лёгким шорохом ползёт секундная стрелка по циферблату часов, как проезжают за окном редкие машины. Я слушал мерное дыхание спящего юноши, слегка завидуя его способности дышать. Внимательно и сосредоточенно я всматривался в черты его лица. Менее симметричные, в отличие от моих собственных черт, они вместе с тем таили что-то запредельное. Моё тело было безукоризненно правильным, лишённым дефектов: ни шрамов, ни асимметрии, ни пигментации. Тело же моего ученика было иным – хруп-

ким, подверженным постоянным изменениям и нарушениям структуры. Он мог чувствовать боль – боль физическую. А я даже не представлял, что это. Ни один материал на Земле не способен был оставить на коже моей и царапины, не говоря уж о том, чтобы отсечь мне какую-либо конечность, пусть даже и мизинец. Я был полностью неуязвим в этом плане: невозможно физическому объекту нарушить структуру более тонкую, как нет шанса ножу разрезать воздух, поделив его на сектора.

Хранители прекрасно знали о прочности наших особенных тел, поэтому их оружие воздействовало в первую очередь на области энергетические – нижние эфирные, плотно прилегающие к оформленной оболочке. Разрушая их, они могли вызвать и повреждения слоя более материального, дабы предотвратить попытку бегства. А сбегал ли хоть один адепт прежде?.. Я осознал, что ответом на свой же вопрос не владею. Проклятье... я опять думал о Них. Это непрестанное ожидание конца измотало меня. Я чувствовал, что выдыхаюсь. Сколько ещё ждать?.. Предугадать я не мог.

...Мигель повернулся во сне. Я замер, подумав, что он проснётся. Моё присутствие могло его испугать, чего я никак не желал. Хотя... может я и заблуждался. Нет, *discipulus meus* не боялся. Он знал, кто я и что я. Ни моя своеобразная наружность с душком потусторонщины, ни те скрытые от очей человеческих вещи, что я позволял видеть ему, не затуманивали ясность светлого взора. Мой ученик был верен

избранному пути и желал Истины. Жаль только, что с проводником он ошибся...

...А, тем временем, Солнце нехотя взбиралось на небосклон, будто преодолевая невероятно крутой подъём. Дымчато-серое небо слегка прояснилось и гиацинтовый луч, скользнув меж оконных рам огненным лезвием, озарил моё меловое лицо. Я протянул ладонь утреннему предвестнику света. Моя мертвенно-белая кожа от касаний его сделалась золотистой. Заворожённый, я любовался эти зрелищем, следя, как дробятся и отражаются сверкающие нити в моих длинных когтях, к собственному удивлению, даже и не заметив, что Мигель проснулся и наблюдает за мной. Пожалуй, мне стало неловко: ведь я собирался уйти ещё до рассвета, дабы не застать его пробуждения. Я ждал неизбежных расспросов о том, что я здесь делаю в неурочный час, но их не последовало. От чтения же мыслей я заведомо отказался, уважая право молодого человека на личное пространство.

Мой ученик просто, молча, смотрел на меня, так, как наблюдают за восходом Солнца. И всё. Я прекратил играть с бликами и благообразно сложил руки на коленях. Моё красноречие меня покинуло. Какими же странными были эти ощущения. Я мог прочесть и мысли и чувства, но не хотел! Это ведь даже забавно, когда знаешь... не всё. Остаётся возможность удивляться.

...Я ждал, когда юноша отвернётся или отвлечётся хотя бы на миг, дабы мне ускользнуть, но, будто нарочно, зная

это, он не спускал с меня глаз. По неизвестной причине сложившаяся глупая ситуация меня развеселила, и я засмеялся. Мигель вздрогнул, чуть уловимо дёрнув плечами, от моего холодного приглушённого смеха. Указанную эмоцию воспроизводить было не так уж и просто, но я старался, как мог. Опёршись рукою о подлокотник кресла, и опустив подбородок на запястье, я улыбнулся плотно сомкнутыми губами и продолжил неотрывно изучать лицо моего безмолвного зрителя. Он же как-то странно улыбнулся в ответ и отвёл глаза. В следующий за тем миг меня в комнате моего ученика уже не было. Лишь потоки золотистого света, преодолев границу горизонта, сверкающим расплавом хлынули сквозь полупрозрачный тюль, стирая след моего недавнего присутствия, будто предрассветный сон.

Глава VII

Антропоморфизм

Я стоял на крыше. Мне доставляло неизъяснимую отраду наблюдать город с высоты. Хмарь вновь сгущалась, и рассеянный свет причудливо играл на барельефах темнеющих облаков. Я думал о том, как же неописуемо стал дорожить вот этим многоголосым мегаполисом, синей планетой возле жёлтой звезды, миром, приютившим меня и своим учеником, упиваясь каждым оттенком чувства, переживаемым мной будто впервые, хотя я уже более восьми сотен лет обитал здесь. Но столь красочно ощущать эмоции я научился только сейчас: все предыдущие воплощения и память о них пришлось заархивировать, следуя распорядку, заведённому в данной Вселенной, дабы восстановить в прежней чистоте свою изначальную Индивидуальность – стать вновь таким, каким некогда я явился в этот мир. В противном случае мне не удалось бы вернуть свою материальную оболочку – тело. Таков был Закон. В исконном же образе обретался я в этих краях уже около года, большую часть времени проводя в медитации, путешествуя по тонким планам затейливой малоизученной планеты, и по частям собирая себя в единое целое.

...Я стоял на крыше. На самом краю. Ветер нашёптывал

мне весьма занятные истории, но я не слушал его. Я был взволнован, но не мог точно истолковать почему. Необъяснимого в моём поведении становилось всё больше, понимания – всё меньше. Путеводная нить Ариадны выскользнула из моих цепких ладоней, и теперь я растерянно озирался вокруг, шаря по стенам лабиринта в поисках зацепок. Хотя нет. Я сам выпустил эту нить, освободившись, тем самым, от ценного, но довольно тяжкого груза всезнания. Я не предвидел больше события, не различал мысли за масками лиц, не ведал срока, когда придут Хранители, не понимал, что твориться в душе Мигеля, да и что происходит в моей собственной душе, я уже не знал наверняка.

...Опять этот острый, как лезвие бритвы, взгляд восстал исполином на пропастью моего беспамятства. На сей раз, моё воспоминание стало более развёрнутым и дополнилось ещё и контурами лица. О, Боги... ни у одного из адептов – ни у одного – не было черт более антропоморфных. Он был здесь, и Его схожесть с людьми – отнюдь не простое совпадение. Его очи видели этот мир, Его стопы касались осенних листьев... Как, когда, зачем?!.. И что это за выражение лица? Усмешка?.. Тающая в шорохах осыпающихся прахом звёзд...

Всё внутри у меня похолодело. Выдохнув в бессилии и слегка качнувшись над бездной, я упал вниз. Я не терял сознания, но в сознании всё же не находился. Я совершенно не мог ни вспомнить, ни представить, как пролетел двадцать

три этажа до земли. Да и сам момент свидания с ней мне не запомнился. Я рухнул лицом вниз, с высоты на асфальт. Интересно, как это смотрелось со стороны? Такой была моя первая мысль по возвращении в себя. Видимо, эффектно, – немедленно пришёл я к выводу.

...Кто-то неустанно теребил меня за плечо. Я тяжело приподнялся на руках и огляделся. Это был Мигель. Испуганный и бледный. Ах, да, крыша его дома... Но как он... Я не успел закончить своих смутных раздумий. Сознание, подёрнутое пеленой, всё никак не прояснялось, и я мало понимал происходящее. Сколько вокруг людей, – отметил я про себя, туманным взором обведя собравшуюся толпу, галдящую и изумлённую. Зачем они меня снимают, что пытаются запечатлеть? – озадачился я мигом позже, инстинктивно по-человечески щурясь от проблесков фотовспышки одного из очевидцев. В любом случае эти потуги зафиксировать нечто диковинное были тщетны: фото и видео вряд ли вышли бы успешными – я ведь представлял собой ходячую электромагнитную аномалию, создающую значительные искривления пространства, особенно когда я плохо себя контролировал.

Наконец, собравшись с мыслями, я решил встать. *Discipulus meus* поддерживал меня под руку. К чему это? Видимо, пытался помочь мне подняться, – заключил я. Юноша дрожал, напряжённо стиснув моё предплечье. Я отрешённым взором смотрел куда-то сквозь пространство. Всё было

таким расплывчатым, словно потёкшая акварель, но моя рассеянность вовсе не являлась следствием падения или травм. Лишь признаком того, что сознание ещё не до конца возвратилось в плотную оболочку. Частично я был вне и частично – внутри. Я видел не то людей, не то иных существ из других реальностей. Живых и мёртвых. Непроявленное и проявленное – всё смешалось. Мигель шептал мне, кажется, на латыни... или на санскрите, что нужно уходить. Я что-то сказал в ответ, но мой ученик меня не понял. Я выбрал не тот язык. Слишком древний, смытый океаном со страниц истории. Юноша его попросту не знал. Не помнил. Я ошибся. Да что же это со мной... Я стоял, не шелохнувшись, и все попытки молодого мага увести меня прочь от любопытной толпы ни к чему не вели. В конце концов, я всё же опомнился.

Скорая помощь, спешащая по чьему-то расторопному вызову, на деле оказалась не слишком и скорой. Я заметил её белый, исчерченный алыми крестами корпус ещё за два квартала. Тревожный же вой сирены услышал и ещё ранее того. Мне не хотелось ни с кем объясняться и ломать их устоявшееся мировоззрение очевидностью фактов. Я знал, каково это, когда в столпах твоего пантеона истин появляются трещины, а затем тебе на голову неотвратимо падает каменная крыша собственной безоговорочной веры. Никому бы не пожелал такой пытки. Потому я благоразумно решил переместиться куда подальше, прихватив и Мигеля с собой. Очаровательно и немного растерянно улыбнувшись моим зрите-

лям во все зубы, сколько их у меня было, что заставило стоящих рядом ко мне отшатнуться, а особо восприимчивых вскрикнуть, я исчез из их поля видения. Рассеявшись, будто мираж в пустыне, к которому неосмотрительно подошли слишком близко.

Глава VIII

Лики Красоты

Я давно облюбовал один парк на окраине городской черты, видимо, за его безлюдность и дикость. Это был настоящий лес. С изумительным аккуратным озерцом в своих пределах. Мне вообще нравилась вода с её переменчивым живым характером. На моей родной планете водоёмов не было. Как не было и атмосферы, деревьев и вообще любых живых форм, кроме нас – адептов в материальных телах или развоплощённых сущностей. Полнейшее единообразие. Наше светило в пору своей молодости нещадно метало свои огненные стрелы в каменистую поверхность, лишённую газового слоя, а в преклонных годах довершило процесс, раздувшись и приблизившись так, что весь горизонт представлял собой пылающее зарево, а ландшафт обратился в чёрную обугленную пустыню. Однако на закате дней бурный нрав своевольного солнца сменился: оно сжалось, и последние несколько тысячелетий, как и подобает благовоспитанному старцу, медленно тлело голубовато-белой крупной звездой, делая восходы и закаты довольно причудливым зрелищем, пока, наконец, исчерпав силы и пройдя свой материальный и духовный эволюционный путь, не угасло совсем. В наших краях тогда воцарилась вечная ночь. Я всё это помнил. Я пом-

нил... свою тоскливую родину – ведь теперь я знал о смысле данного понятия.

Мы с моим учеником, скользнув сквозь червоточину, оказались как раз у водоёма, на его пологом, мягко спускающемся к воде берегу. Мигель был изумлён, так как раньше я никогда не переносил его через порталы в пространстве, которыми была испещрена Земная атмосфера, как сочный плод ненасытным червём. Хотя и сам юноша прекрасно владел теорией подобный путешествий. Но только теорией.

Я сел напротив едва вздымающейся от ветра сверкающей глади, обхватив колени своими бледными тонкими руками, обтянутыми подобием митенок¹⁷ из материи чёрного цвета по виду напоминающей плотный атлас или латекс. Заканчивались эти так называемые перчатки значительно выше локтя, а с нижнего же конца увенчивались клиновидным краем, оставляя пальцы и ладони, лишённые линий, обнажёнными. Я ранее никогда не обращал внимания, во что одет, сымпровизировав своеобразный костюм из самых плотных по текстуре энергий при материализации собственной формы. Моё облачение напоминало, скорее, платье, нежели что-то ещё из предметов земного гардероба: опускающееся до пола, плотно охватывающее тело одеяние без рукавов, чёрное с матовым блеском. До плеч же почти доходили пер-

¹⁷ Митенки, митенки (ед. ч. – митенка фр. *mitaines*) – перчатки без пальцев, удерживающиеся на руке с помощью перемычек между пальцами или за счёт пластических свойств материала, из которого они сделаны.

чатки, оставляя на виду полоски белоснежной кожи не более сантиметров десяти. Тонкую талию обрамлял серебряный пояс с затейливым узором – объёмным и многоплановым, отражающим символы моего Посвящения. Ноги также были плотно обтянуты материей. Ниже колена эта материя переходила в некоторое подобие тканевой обуви или гольфов, подобно митенкам на руках, завершающихся заострённым краем, оставляя притом открытыми подошву и пятку. Каждая деталь моего экстравагантного наряда была испещрена причудливыми, однако, строго прямыми линиями, которые можно было бы сравнить со швами. В каждой такой линии языком сложной символики отражались внутренние изменения, и рисунок этих линий всякое мгновение становился иным, меняясь незаметно для человеческих глаз, будто подвижное покрывало воды, или очертания созвездий за тысячелетний срок.

Само по себе наличие покрова в виде одежд являлось символом, ведь обусловленной внешними факторами необходимости в том не было: только метафора, означающая оболочку, наподобие скорлупы, что заключает в себе суть. Ближе к понятию второго слоя кожи, нежели элементов гардероба. Вместе с тем визуальное сходство с вещами в человеческом мире всё ж отнесло бы эту подвижную «ткань», затягивающую моё тело сверху донизу, к костюму.

...Мой ученик, опустившись рядом на пожухлое покрывало травы с любопытством и некоторым недопониманием

наблюдал за тем, как я внимательно изучаю своё облачение, сосредоточившись в данный миг на левой ноге. Я взглянул на Мигеля, и он сразу же отвернулся, будто бы всё это время глядел на зыблущуюся поверхность озера, а не следил за моими нелепыми действиями. Люди часто так делают. И это весьма... забавно. Я улыбнулся. Юноша медленно повернулся и улыбнулся тоже. Несколько секунд я пристально смотрел на моего ученика, пока он не спросил, в чём дело. Тогда я задал вопрос, на моё усмотрение, весьма простой и доходчивый. Однако, выслушав меня Мигель сделал вид, будто не понял, о чём я толкую: лицо молодого человека отразило смятение и недоумение. Тогда я повторил второй раз, всё так же неотрывно глядя ему в глаза, хотя, думаю, повторяться не было нужды: мой *juvenis alumnus* и в первый раз понял, что я имею в виду. Так вот я спросил, красив ли я. Я знал, что понимание красоты субъективно. Именно субъективность термина и делала его интересным для меня. И всё же, несмотря на личностную окраску, которую каждый индивидуум придавал означенному качеству – качеству красоты – меж людей существовали некоторые общие универсальные нормы, её определяющие. Именно о них я и спрашивал. По моему мнению, я вполне мог им соответствовать, но у меня всё-таки оставались сомнения на сей счёт. Вместе с тем я был правильно сложен, гармоничен, высок, строен, все пропорции были соблюдены до мелочей, а симметричность в парных частях тела доведена до идеальности. Я был совер-

шенен, невзирая на специфичность оттенка кожи, цвет глаз и экстравагантность причёски. Но вот красив ли? Однако, раз Мигеля не смущали вышеперечисленные особенности, и оказать влияния на его оценку не могли, мне хотелось услышать подтверждение или опровержение собственной гипотезы. И я ждал ответа с полной серьёзностью. Мой ученик, ещё более смутившись от моего бдительно-настороженного внимания, как-то неестественно посмеиваясь, ответил, что я слишком высокий и тощий, к тому же, моя бледность добавляет мне сходства с призраком. Пару секунд я сосредоточенно размышлял, хорошо это или плохо. Затем, понял, что, вероятно, юноша пошутил.

«...А знаешь, Мигель, в моём мире не было такого понятия как Красота. Представь, мы понятия не имели, что это, так как нам не с чем было сравнивать. Красота рождается лишь в контексте, иначе она не существует. Все адепты Храма – все абсолютно из нашей расы – никогда не имели изъянов конструкции. Демиург создал нас равноценными. И его последующие персонификации, сходя до Верховного Иерофанта Цитадели...» Я запнулся на полуслове. Но, взяв себя в руки, всё же решил закончить предложение: «...одинаково совершенны. Ваш мир же функционирует иначе. У вас есть более или менее оформленное понятие о красивом, но, наряду с ним, существуют и уродства, которые проявляются в физической неполноценности и неспособности выполнять базовые функции: к примеру, отсутствие или

поражение органов, их видоизменённая форма. Совместно с приятными ароматами существуют отвратительные запахи гниения и тлена, мелодичным звукам противопоставлены иные, резкие и невыносимые для слуха. Хотя сами по себе ни звуки, ни запахи, ни формы не имеют объективной оценки. Оценивает их человек, создавая категории и дробя явления на сектора в зависимости от их мнимого великолепия.

И ты так и не ответил на мой вопрос».

Я умолк, ожидая услышать мнение своего ученика на счёт меня. Однако юноша, запинаясь, проговорил, что ему трудно судить о моей красоте. Мне было не ясно, в чём суть подобной дилеммы. Но, спустя пару секунд, он продолжил, завершая свою мысль, сказав, что, во-первых, я – его Учитель. А, во-вторых, в их нынешнем обществе мужчинам не принято оценивать друг друга – это считается вульгарным. Я был глубоко поражён подобным заявлением и невозмутимо парировал его тем, что я – не мужчина.

«...У меня ведь вообще нет какого-либо определённого пола. Могло статься, что подобное качество люди отнесли бы к понятию андрогинности. Ты озадачен, ученик мой? Что здесь такого? В нашей цивилизации разделение полов отсутствовало изначально. В том никогда не было потребности: такие, как мы, не нуждаются в созидании биологических форм с использованием перекрёстного генетического материала. Это издержки вашего мира: тела людей изнашиваются и дряхлеют, оттого был введён в оборот процесс рождения

и воспроизводства форм, дабы обеспечивать души физическими пристанищами. И каждый раз эти формы меняются. Наши же оболочки нельзя в полной мере назвать материальными – это иной уровень существования, подобно сгущению и разряжению газа. Если газ охладить до низкой температуры, он становится жидким или же твёрдым, в зависимости от частоты колебаний и степеней свободы молекул. Если снизить частоту вибраций эфира, он приобретает консистенцию более плотную. Однако эфир не является веществом. Даже переходя на стадию сгущения. Потому мы не умираем – умирать в нас просто нечему. Ничто не разлагается, не гниёт, не тлеет. Эфир пластичен – он просто меняет форму и частоту вибраций. Оттого наши тела способны иметь разнообразные внешние очертания в зависимости от этапа развития, на котором мы находимся. Они достаточно пластичны для того. Быть громадной звездой или небольшим компактным созданием, как я сейчас – не имеет значения. Как видишь, половая дифференциация тут совершенно излишня: обретаясь на одной ступени развития иметь различающиеся между собой тела мужской и женской конституции? Зачем? Адепты и иерофанты, каждый из нашей расы всегда ощущает взаимосвязь с другими и, в некотором роде даже, тождество – равнозначность оболочки также способствует этому. Нет зависти, что кто-то лучше тебя: правильнее, сообразнее... Нет гордыни, что ты лучше кого-то. Это не означает, однако, что мы все полностью идентичны, как набор оловянных солда-

тиков. Ведь среди нас существует вариация функций и разница частотных характеристик в зависимости от выполняемых задач. Эти различия проявлены и в некоторых визуальных дифференциациях. Каждый совершенен и каждый уникален, как и его назначение. Упрощая задачу представления, скажу, что сложением практически все мы одинаковы, но вид и цвет глаз, оттенки кожных покровов и волос разнятся меж собою. Нужды же в различиях более значимых, как то первичные и вторичные половые признаки, нет.

К слову говоря, одна из последовательных эманаций Непроявленной Воли – тот преобразующий материю принцип, что вы зовёте Творцом, Демиургом или Богом, также является андрогинным. Однако в вашем мире Его нисходящие эманации разделились на «мужские» и «женские», расщепляясь таким образом и далее, дойдя до оформленного материального мира. Однако в нашей Вселенной этот путь был пройден иначе.

Но возвращаясь к истоку беседы – понятию о Красоте. Так что же это, если не совершенство? В чём её потаённая суть? Меня занимает данный вопрос, так как, наблюдая людей, я сделал выводы, что их представления об этом нечто во многом иррациональны. Порою существенные отклонения от нормы функционирования организма проходят незамеченными и особь, вопреки очевидности, признаётся красивой. Я никак не могу осознать смысл такого несоответствия. Вероятно, виной тому некие социально-культурные

предпосылки, хотя и они не всегда прослеживаются в подобных случаях. Но более всего меня поражает субъективность оценки одного и того же объекта разными людьми: они могут расходиться до полной противоположности! Не смотря на схожесть внутреннего строения и систем секреции, так как многие эмоции определяются на уровне ферментативных реакций, невзирая на в целом согласующиеся характеристики тонких тел, один считает объект уродливым, а другой тот же объект прекрасным. Вот очередная из загадок, что преподносит ваш чувственный мир».

Я прервал поток своих красноречивых размышлений и взглянул на своего ученика, размышляя о субъективности Красоты. Глаза его, пожалуй, можно было назвать прекрасными: светлые, зеленовато-голубого оттенка с контрастным тёмным ободком по краю радужки, они выглядели весьма необычно в сравнении с большинством виденных мною среди людей. Чёрные тонкие брови, слегка опущенные длинные ресницы, подчёркивали их задумчивое, даже, несколько лиричное выражение. Однако выражение это могло изменяться, в зависимости от внутренних переживаний обладателя. У меня же самого глаза были однотонными, без выделенной радужной сферы или области зрачка, угольно-чёрные, с лёгким матовым блеском. Брови, ресницы и любая иная растительность на лице, отсутствовали. Тем не менее, придавать оттенки эмоций выражению глаз я научился, копируя мимику людей.

Я продолжил рассматривать внешность Мигеля. Прежде, я не обращал на то значительного внимания, сосредотачиваясь больше на энергетических оболочках и их оттенке, но сейчас меня заинтересовала данная особенность.

... Черты лица моего ученика были, скорее, аристократичны, нежели мужественны, нос прямой, без малейшей горбинки, красиво очерченные скулы, заострённый подбородок. Волосы цвета воронова крыла, длинные и гладкие, с лёгким переливом как у шёлка, плавно струились на спину, скрывая её до лопаток. Ростом юноша был относительно не высок, сложения стройного, однако не худощавого. Ладони у него были узкие, пальцы изящные, кожные покровы светлые, с лёгким синеватым флёром. Вместе с тем его и моя бледность разнились меж собой невероятно: его бледность имела едва уловимые градации цветов, которые угадывались и в тонких бескровных губах Мигеля, и во впалых щеках, и в каждой малейшей чёрточке лица, осеняя трепетным дыханием жизни всё его существо. Моя же бледность была белоснежностью мрамора – безжизненной и холодной.

Я перевёл взгляд на серебристо-серое зеркало воды. Нет, я не был похож на живого. Равно и на мёртвого не был похож. Совершенный, но... лишённый хрупкости человеческой красоты. Мне никогда не стать одним из них. Не быть в их глазах... красивым. Различия меж нашими в чём-то похожими системами мироустройства всё же слишком велики.

Вероятно, я сделался печален, размышляя о подобном: я

так вжился в образ, что многие эмоции в лице моём начали отражаться спонтанно. Discipulus meus взирал на меня с тревогой и участием. Интересно, о чём он думал? Может быть, моему ученику стало меня... жаль?

«...Земная красота тленна и, тем не менее, вечна. У каждого мгновения и каждого предмета в этом мире есть шанс на бессмертие, Мигель». Я говорил очень тихо, едва перекрывая своим голосом шёпот ветра в бурях, скорчившихся в последней муке агонии, листьях. «...каждый человек располагает возможностью познать Нетленность собственного Бытия, обрести нерушимость своей божественной Индивидуальности... каждый... не зависимо от степени своего совершенства. Этот путь открыт для всех: любой из вас может в итоге взглянуть на мир... глазами Его Верховного Создателя, слившись с экстатическим ритмом дыхания Вечности.

...А мы... Мы исчезаем бесследно. Так, словно нас не было и не будет...

...Таем, словно апрельский снег, не успевая коснуться земли, паря в тёплом воздухе лишь долю мгновения. Сгорая в блеске всеохватного величия Абсолюта, рассыпаясь до Пустоты.

...Сотворивший нас не дал нам этого шанса – познать нечто большее. Лишь ненасытное чрево Зыби завещано подобным мне, как последний рубеж Бытия.

...Мигель, я... так хочу... бессмертия, доступного вам, смертным».

Я, не мигая, смотрел на своё отражение в серебряном блюде пруда. По моим белоснежным щекам текли слёзы. Слёзы... да, я мог сотворить даже это, мог... плакать... как они, хотя лицо моё при том делалось каменным и безразличным. Слушая шёпот облетелой листвы, я буквально кожей ощущал смятение моего ученика. Ведь он привык считать меня всеведающим и сильным. Пришедшим из недр несчётных миров мудрым странником, закалённым в пути. Ныне же, видя мою слабость, Мигель не знал, как ему поступить. Замерев, будто боясь шелохнуться, он безмолвно следил за мной. Но я... явно чувствовал напряжённую вибрацию струн его души.

Медленно опустившись на покрывало увядшей травы, я склонил голову на колени своего ученика, который не смел ни оттолкнуть меня, ни утешить. Мои слёзы были так холодны, что, стекая по щекам, застывали, обращаясь в ледяную пыль – снежный пепел. Я лежал недвижно, словно каменное надгробие, и сам взгляд мой будто окостенел. Сознание, измождённое вопросами без ответа, размывая границы, выпорхнуло из отведённых рамок, своими крылами объяв и миниатюрное озерцо, чья гладь стала ровною, будто она из стекла, и, роняющую последнюю листву, рощу, и пыльный и суетный город, и весь этот неохватный, торжественный в великолепии своей неуничтожимости мир, вливаясь в океаны безмолвия за чертой самосознания.

Глава IX

Антакарана¹⁸

...Когда я очнулся, было уже темно. Я по-прежнему лежал, опустив голову на колени Мигеля, чувствуя, как медленно онемевшим пальцами он гладит прямые колючие пряди моих волос. Должно быть, *discipulus meus* замёрз: в осеннюю пору ночи стылые и ветреные. Да и моё тело, подобное сухому льду, только усугубляло ситуацию, разливая вокруг себя потоки нездешнего холода.

Сомкнув и размокнув веки, я поднялся. Однако юноша даже не вздрогнул. Лес вокруг, склонившееся к земле разнотравье, ресницы Мигеля, его волосы – всё было расчерчено серебриющимися в блеклом лунном свете узорами инея. Взгляд моего ученика был тусклым и отрешённым. Функционирование его физической оболочки было нарушено длительным воздействием пониженной температуры, эфирное тело существенно ослаблено, астральное – истощено. Я склонился к неподвижно смотрящему во тьму молодому человеку и поднял его на руки. В тот момент сознание покинуло свой измученный остов: оставленное разумом тело на моих

¹⁸ Антакарана – мост между индивидуальностью и душой, а также между душой и монадой. Само слово – взято из Санскрита – обозначает: *anta* – "в пределах"; *karana* – "орган восприятия".

руках обмякло, словно брошенная кукловодом марионетка.

...Я отнёс молодого мага к нему домой. Если б я пришёл в себя часом позже, его было б уже не вернуть: душу Мигеля его охранители бы мне не отдали, а забрать её у них силой я хоть и мог, но вряд ли посмел бы: ко мне и так отнеслись слишком доброжелательно, позволив остаться здесь. Кроме того, нарушать чужие сакральные законы я не привык. Но антакарана осталась цела, и потому я способен был всё исправить без вреда.

Довольно скоро юноша пришёл в себя. За окном едва брезжил рассвет. Мой ученик поднялся, огляделся, прошёл по квартире, будто пытаюсь вспомнить произошедшее, и как он здесь очутился. Мигель меня не видел. Но я наблюдал. Спустя некоторое время он вновь возвратился в комнату и, присев на краешек кровати, закрыл лицо руками, почти беззвучно заплакав. Его тихий плач, похожий на немую молитву безразличным небесам, был пропитан такой болью, что мне стало совершенно невыносимо видеть это. Мне казалось, будто юноша оплакивает вовсе не свои страдания, но мои. Оплакивает мою потерянную душу, иссушенную и обречённую.

...Я бродил по хмурому городу, утопая в нём, как в трясине. Я ничуть не опасался, даже после выходки с прыжками по крышам машин и своего падения с высоты, что на меня обратят внимание, кроме ставшего уже стандартным недоумения по поводу моей экстравагантной наружности. Самый

лучший способ затаиться, как я понял – держаться всегда на виду. И я следовал этой простой истине.

Блуждая по мокрым улицам, я снова пришёл к мысли о возвращении в свой мир, к немым стенам Цитадели, ревностно охранявшей свою самую туманную и непостижимую тайну. Но я боялся. Боялся Их – безразличных, абсолютных в собственной непогрешимости, Стражей. Точнее того, что ждёт меня, попадись я Им в руки. Зыбь... омертвление самой души, потеря последней возможности на возвращение и возрождение. Её голос звучал в моей голове, хотя был нем и беззвучен. Он звал меня. Днями и ночами он звал меня в свои постылые объятия. Нестерпимо и неотвратимо. Я ненавидел Зыбь. Всеми фибрами своего существа, как только умел. Отвращение моё к этому колодцу безвременья, лишённому дна, было воистину велико. Хотя ранее, когда я ещё являлся адептом Храма, Зыбь внушала мне лишь бессловесное почтение пред своим всесилием и неизбежностью. Но с тех времён всё изменилось. Я изменился, научившись меж людей страху, смеху и слезам. А, самое главное, желанию быть. Во что бы то ни стало.

Глава X

Элементал

Минуло около семи дней, как я без цели скитался в индустриальных лабиринтах мегаполиса. Иногда шёл снег. Тогда я внимательно следил за траекториями плавно вальсирующих хлопьев, просчитывая, куда они опустятся, или, поймав крошечное кристалльное чудо в ладонь, в которой оно не таяло, рассматривал затейливую многогранную структуру. Я знал причины и принципы, согласно которым капля воды приобрела ту или иную форму, но всё же научился видеть в снежинках нечто сверх того. Не геометрию кристаллов и их симметрию. Я научился видеть в этом застывшем кружеве его красоту.

...На восьмой день, отрешённо созерцая плавные пируэты зимы, я внезапно ощутил подле себя некое присутствие. Чувство, пронзившее мой разум, было резким, щекочущим и неприятным. Пелена обречённости, рухнув тяжёлым занавесом, затмила для меня Солнце: энергии, что я распознал, принадлежали моему миру. Неужели... вот так всё завершится? Бездарно, не успев и начаться? Однако мигом позже я понял, что существо, опутавшее меня своими бесплотными щупальцами переменчивой пульсирующей энергии, являлось созданием довольно низкого плана. Это был элемен-

тарий, не имеющий даже зачаточного самосознания. Я стал рассеян, раз сразу не понял, в чём дело. Видимо, страх пред встречей со Стражами Истины довлел надо всеми моими размышлениями. Ещё секунду спустя я догадался, кто притащил эту сущность сюда.

«Мигель!..» Мой ученик вздрогнул и обернулся, рукою задев восковую свечу, коптящую на столе. Она упала, и грязно-желтый воск растёкся бесформенным пятном, запачкав манжету белой рубашки устаревшего кроя. О, на сей раз, я был зол не на шутку. Ведь я запретил ему, **СТРОЖАЙШИМ ОБРАЗОМ** запретил! Как посмел он преступить чрез моё слово? Как отважился на такое?

...До встречи со мной, *discipulus meus* достаточно практиковал магию и имел неплохую осведомлённость в сфере демонологии, хотя и был молод по человеческим меркам. Он даже умел приручать и использовать в своих целях примитивных земных элементаров – низших духов, лишённых собственного развитого сознания и представляющих собой стихийные силы. Я научил его большему. Куда большему. Показал, как распорядиться тонкими сферами с достаточной долей свободы. Мне это казалось совсем не сложным. Однако на практическом примере я решил разобрать ситуации наиболее трудные, неосмотрительно совместив несколько задач в одну: взаимодействие различных миров, выстраивание перемычек меж вселенными, когда это допустимо, а также внепространственную связь всех существ единого ми-

роздания. Всё вышеперечисленное я без зазрения совести продемонстрировал и объяснил на примере мира собственного и мира людей. Однако я никогда не доводил процесс до конца, предусмотрительно завершая эксперимент до достижения критической отметки, и уж тем более не притаскивал всяческих тварей сюда, распахивая «форточки» в столь опасные для человека области как моя Morati. Ведь для понимания сути явления хватало и полуфаз. Я и помыслить не мог, что мой ученик дерзнёт поступить подобным рискованным образом. Хотя... Но что свершить такое ему в принципе удастся – вот уж чего я точно не представлял! Элементарии иных миров зачастую весьма опасны и враждебны, особенно если оказываются в чужеродной среде. С таким же успехом можно попытаться вытащить крокодила из воды за хвост. Нелепо и безрассудно! Элементал моей Вселенной, привлечённый в чуждый ему мир, обладая притом наибольшим энергетическим сродством со мной, нежели с какой-либо иной сферой или существом Земли, буквально прошёл по моим следам: будто стальная стружка, тяготеющая к магниту. Он нашёл меня. А это значит...

Пару секунд я не находил слов дабы выразить своё негодование по поводу поступка моего ученика. Юноша же, тем временем, медленно поднялся из-за стола, обернувшись ко мне. Он был бледен, как мел, но улыбался. Непростительная беспечность!.. Я, сложив руки на груди, и приняв вид отрешённый, но серьёзный, заговорил первым, спросив с хо-

лодкой в интонации: «Твои объяснения? Я жду». Мой голос звучал спокойно и ровно, хотя в груди пурпурным заревом бушевало пламя почище геенны огненной. Недопустимая опрометчивость могла стоять и самому Мигелю, и мне по более жизни. Наверное, почувствовав моё настроение, юноша перестал улыбаться: лицо его приняло сосредоточенный вид. Чуть дрожащим голосом мой *juvenis alumnus* тихо ответил, что искал меня, и иного способа у него не было. Элементарии его родной планеты были в данном деле непригодны: они не могли меня «учуять». А вот низшие духи моего мира для этой задачи вполне подходили. Молодой маг не учёл лишь одного, хотя, видно, просто не подумал о том: притащив такое существо сюда, он, можно сказать, указал пальцем всей моей Вселенной на то, где меня следует искать – и время, и место. Мы ведь связаны с каждым созданием своего мира. И связь эта прочна. Я так долго путал следы в многомерной пространственно-временной сетке мирозданий, и всё пошло прахом из-за одной глупой человеческой оплошности! Я вдруг ясно представил себе безучастные глаза Хранителей и то, как медленно под моими ногами разверзает своё ненасытное жерло Зыбь. Моя ненависть к ней была беспредельна. Как и мой страх, что свирепым псом терзал останки благоразумия, обгладывая их, словно окровавленную кость. Внезапно я ощутил внутри себя жгучее и бесконтрольное чувство, что уподобилось расплавленному металлу, выплеснувшемуся за края переполненной изложни-

цы. В том, что этот кошмар, мой самый страшный кошмар, случится так скоро, была и его вина – моего легкомысленного ученика!..

Я чуть склонил голову вперёд, чувствуя во всём теле упругое напряжение, подобно раздраженной, готовящейся к броску гадюке. Миг спустя, я, оскалившись, вцепился своими холодными пальцами в плечо изумлённо раскрывшему глаза юноше, прижав его спиной к ребру столешницы. Последняя из свечей опрокинулась, разбрызгав восковые капли по сторонам, но, тем не менее, продолжила гореть, да и сам стол чуть не перевернулся. Однако опёршись на столешницу второй рукой, мне удалось удержать его в равновесии. Я не до конца осознавал, что творилось со мной в ту секунду. Будто разумная уравновешенная часть моего «Я» стремительно ушла под воду, а на поверхности оказалось то, что я и вообразить не мог. Я ли это вообще? Или кто-то другой, смотрящий моими глазами? Кто-то новый, рождённый здесь, совершенно иной. Тот, кто умеет чувствовать. Способный ненавидеть и бояться. Склонный к заблуждениям. Допускающий ошибки. Я стал абсолютно другим существом. Подобно здоровой клетке, поражённой раком.

...Продолжая скалить зубы, и едва сдерживая желание придушить Мигеля, прежде переломав ему все кости и вырвав все позвонки по одному, я едва процедил сквозь плотно сомкнутые челюсти единственную фразу: «Ты понимаешь, что ты натворил?!» В ту пору мне было не до литера-

турных изысков и изящных объяснений. Если бы я дышал, то, вероятно, от злости бы задохнулся. *Discipulus meus*, опираясь двумя руками позади себя на плоскость столешницы, дабы не быть опрокинутым на неё, ни мало не опасался смотреть мне в лицо, хотя, думаю, я был страшен – не хуже легиона тёмных гениев. В обсидиановых зеркалах моих глаз плясали янтарные искры бьющегося на свечном фитиле огня, тем самым подчёркивая их холодную мрачную глубину. Правильные черты заострённого лица, сведённые спазмами гнева, приобрели плотоядное выражение, особенно вкупе с хищным, почти, что животным оскалом. За ошибки нужно платить, – стучала в моей голове невесть откуда взявшаяся мысль. Светлые глаза Мигеля, глядящего на меня, лихорадочно блестели, но в целом лик его хранил спокойное, хоть и слегка напряжённое выражение. Время будто замерло меж нами вязкой тягучей массой, застыв льдинками в неподвижности взглядов. Ещё мгновение, всего один жест и я освобожусь от этого невыносимого напряжения. Я убью его.

Зазвучавший в тиши людской голос вмиг отрезвил меня, словно контрастный душ: мой ученик осторожно заговорил со мной. Юноша признался, что после того как я исчез, мысль о том, будто Они забрали меня, не давала ему покоя. Всю эту неделю он почти не спал и не ел, и ни чём не мог думать, кроме того. Моё странное поведение в последнее время, отрешённость, уныние – все в совокупности настораживало и мучило его. Он думал, это из-за Них, что Они где-то

рядом, и я скрываю это от него. А ещё... Ещё *discipulus meus* сказал, что я стал ему очень дорог: не только как наставник, Учитель, но и как отец и как брат.

Я выдохнул и отпустил его. Тьма, охватившая меня с ног до головы своим плотным покровом, отступила, оставив после себя смятение и хаос перепутанных с чувствами мыслей. Я чуть было не совершил то, о чём бы горько сожалел до самой аннигиляции. Неужели я впрямь был способен на такое?.. Нет, я – нет. Но то новое существо, родившееся вместо меня здесь, в колыбели голубой планеты... это существо, кажется, было способно на всё. Как вирус в моём лишённом иммунитета теле, человеческие эмоции достигли чудовищного размаха и численности. Я втрое сильнее испытывал любое чувство, нежели представители рода людского. Это был разрушительный, но необратимый и неконтролируемый процесс. Правда, мои чувствования несколько разнились с тем, что ощущали сыны Земли: они вовлекались в эмоции всецело, я же, участвуя в красочном представлении переживаний, частично всё же стоял в стороне, наблюдая за самим же собой, но не вмешиваясь.

...Скинув иго страха и злости, я, наконец, пришёл в себя. Прозрачные как топаз глаза. Последние конвульсии пламени и прожженный стол. Запах воска и гари. Отойдя к противоположной стене, я плавно сполз по ней спиной на пол, уставившись в несуществующую точку. Мигель без опаски подошёл ко мне и опустился рядом, склонив голову мне на

плечо. Я мог причинить ему вред, а он даже не дрогнул. Этот хрупкого телосложения и невысокого роста человек, казалось, ничего не боялся. Даже такого опасного и непредсказуемого гостя, как я. Пожалуй, его смелость превосходила мою собственную. Опрокинутые свечи на столе потухли, и в комнате воцарилась темнота, нарушаемая лишь всполохами фар, проезжающих за окнами машин, да рыжим светом уличных фонарей, который закрадывался подобно вору, по подоконнику, и мягко струился по стенам и потолку. Я слушал, как бьётся в груди сердце Мигеля. И не знал звука, что был бы прекраснее этого метронома жизни. Я так устал... ждать и бояться.

«...Прости меня», – едва слышно прошептал я новую, непривычную фразу, словно пробуя каждое слово на вкус. Странная горечь. Словно запах перечной мяты, резко ударивший в нос. Мой ученик тихо ответил мне, что он сам виноват, и это он должен просить прощения за то, что ослушался моего слова. После нескольких минут последовавшего за тем молчания, Мигель неожиданно задал вопрос о том, какая она, моя Morati? Обитель, о потере которой я бессловесно, но глубоко горевал. Одарив его рассеянно печальным взглядом, я заговорил, поведав юноше о своей безучастной, но незабвенной, родине. Я никогда прежде не говорил с ним об Обители. Мне тяжело было воспроизводить эпизоды прошлого, но я всё же переступил сию черту. На этот раз воспоминания не лишили меня сознания, вытолкнув его в ле-

денящие межзвёздные просторы, как бывало прежде, когда я глубоко задумывался о Morati. Возможно, потому что ныне я чувствовал рядом живое бьющееся сердце, участливо отзывающееся на каждый вздох моей израненной души. Я поведал, как сумел о том, о чём мог поведать. А потом мы двое долго ещё глядели на неразличимые людским глазом безучастные звёзды, парящие где-то в дымной вышине подобно неподвижным снежинкам.

Мигель так и уснул, уткнувшись лицом в моё ледяное плечо. Я отнёс его в постель, а сам до утра смотрел в окно, на всё то же туманное беззвёздное небо, и мнилось мне, что Зыбь похожа именно на такое небо, на бесформенные мутные тучи, что пожирают светила.

Глава XI

Immortalitas¹⁹

...Утром я опять ушёл. Я оставил Мигелю записку, взяв клочок бумаги с прикроватной тумбы. Проткнув свой палец своим же когтём, я написал серебрящейся подвижною жидкостью, похожей на ртуть, что дальнейшие наши встречи и уроки излишни, что те знания, которые он получил от меня, более чем достаточны для него и для его вполне счастливого и безбедного существования, если мой ученик, конечно, будет разумно распорядиться силами, контроль над которыми получил. Я слегка лукавил, говоря о счастье постижения, понимая, что во многих знаниях кроются и многие печали. И сознавал я это как никто иной.

Витые линии букв стальными змейками разбегались по белой бумаге и исчезали. Я о том не тревожился: я был уверен, что молодой маг сумеет прочесть даже такое странное послание. Закончив, я внимательно поглядел на чистую, слово снежное поле, поверхность листа, а затем причудливо изогнул его края. В итоге череды манипуляций у меня получилось нечто, похожее на два сцепленных ангельских крыла. Такой я и оставил записку на письменном столе юноши.

...И почему я никак не могу решиться и покинуть этот

¹⁹ лат. Бессмертие.

город? – раздумывал я. – Ведь на Земле хватает изумительных мест, где можно было бы быть. Но этого я почему-то не желал, с жадностью упиваясь урбанистическим пейзажем, блуждая меж заводов на окраине, и следя, как снег укрывает серую вязкую грязь своим чистым, жемчужно-белым сверкающим саваном. Я плакал. Смеялся. Когда никто не мог слышать и видеть меня. Я жил... да, пожалуй, это именно так. И вспоминал.

...Довольно часто я вспоминал Мигеля. А, кроме того, свою родину: мертвенную и мрачную Alma Mater. Выгоревшее солнце. Черный каменистый песок. Арабески на воротах и стенах. Учителя, что посвящал меня, вновь воплотившегося неофита. И... Цитадель. При мыслях о ней воспоминание делалось невыносимым. Тогда... я начинал думать... о Нём – Верховном Иерофанте, нашем хладнокровном Создателе – ибо Он был пламенем, а мы – только бликами. Эта сущность, которой мы поклонялись как Божеству, владела самым возделенным качеством, которое я только мог вообразить себе – бессмертием, являясь неугасимую свечою, нерушимой Индивидуальностью, Творцом. И вместе с тем как могло стать-ся...

Когда я начинал размышлять о дальнейшем, мне неукоснительно делалось дурно – разум мой покидал границы самой замкнутой из оболочек и уносился в надзвёздные сферы, дабы внимать тихому насмешливому шёпоту древних и вновь рождённых светил. Так проходили дни или даже неде-

ли. Я приходил в себя, будучи занесён плотным, много сантиметровым слоем снега. Я поднимался, отряхивал слежавшийся снег, и продолжал свои бесцельные скитания.

...А Хранители всё не шли за моей заблудшей душой. Я даже начал, было, беспокоиться по этому поводу: всё ли в порядке с нашим Храмом, почему Они так долго ищут меня после того, как должны были явиться, по моим предположениям практически сразу после необдуманного поступка Мигеля?.. Сомнения эти множились и плодились во мне с каждым днём, будто ряскою, затягивая озеро моего сознания. Вероятно, я бы лишился сна, если б спал. О, я страдал. Терзался и чувством вины и неизвестностью, и смутной тревогой за мой родной мир. День ото дня, час за часом. И ещё что-то мучило меня, но имени тому я не знал.

...Опустошённые холодные глаза, обжигающая дух усмешка... Его лик представлялся иным, нежели лики всех прочих адептов и иерофантов. У Него были брови, как тонкий росчерк чёрного угля на матово-белой коже, длинные шёлковые ресницы и даже волосяной покров над верхней губою, по сторонам от губ и на подбородке. Все эти особенности были не характерны для нашей расы. Такое я видел только...

...на Земле...

...Когда я вновь очнулся, уже наступила весна...

Глава XII

Картотека человеческих Судеб

Я сидел на краю недостроенной высотки и смотрел на горизонт. Закат омывал небо пурпуром и золотом, безрассудно смешивая цвета, подобно начинающему художнику, не заботясь о том, насколько естественно будет выглядеть нарисованный им пейзаж. Я беседовал с Солнцем, и оно весьма благосклонно отвечало на мои вопросы. Я ведь сам когда-то прожил не одну жизнь звезды, и нам с ним было о чём поговорить. В нашей беседе со светилом не было ничего сверхъестественного: физический масштаб, расстояние, состояние вещества в мире духовном теряют всякое значение. Каждый атом находится в непрерывном диалоге с галактикой на своей частоте. А потому мы прекрасно понимали друг друга.

Общение моё с лучистой матерью Земли длилось с восхода и затянулось до самой темноты. Простившись с Солнцем и возвратив сознание в земные рамки, я спустился вниз с вершины остова строящегося здания по строительным лесам и отправился бродить по ночным улицам. Невзирая на то, что я мало контактировал с людьми непосредственно, я сумел завязать достаточно интересных знакомств в этой Вселенной, болтая о том, о чём со звёздами и планетами, влияясь в стихии природы, перешёптываясь с легкокрылыми

ангелами – существами тонких планов, наделёнными самосознанием, однако не брезговал я и обществом элементариев. Среди всех этих разнообразнейших обитателей мало кто проявлял враждебность к моей персоне: для них я сам был целым миром, таинственным и непознанным. Благодаря исконным жителям этих мест, я проникал в различные сферы и измерения данного мироздания, силясь познать его новым, ранее неведомым мне путём – путём Сердца, пропуская информацию через призму субъективных чувств.

...Увлечённый одной из подобных полуэфемерных бесед, я брёл по стихшему городу. Ночь густой чёрной гуашью затопила улицы, и дрожащее янтарное зарево вспыхнувших ей в ответ фонарей неверными бликами дробилось в подёрнутой мелкою рябью поверхности реки. Я шёл вдоль набережной, предоставив ветру свободно распоряжаться моими мыслями. Он же беспечно уносил их в непостижимые дали. И в те редкие моменты, когда мне удавалось отвлечься и забытья, с головой погрузившись в переменчивую пульсацию жизни, я был... кажется, счастлив? Однако я не знал наверняка, так ли это. Рассматривая в переменчивых отражениях колышущейся воды своё бледнокожее лицо и пробегая вместе с тем быстрым взором по острым прядям длинных волос, так похожих на лучи звезды, я улыбался наблюдающей за мной Луне – моей верной сумеречной спутнице. В последнее время я старательно избегал людей и редко видел их. Вероятно потому, что в каждом человеке мне чудилась мучи-

тельная и непостижимая загадка, получить ответ на которую представлялось невозможным, даже пользуясь, как инструментом, самым совершенным и логичным знанием. Демиург был талантлив в искусстве шифрования своих божественных тайн. И я пока, что не мог тягаться с ним на равных в своём мастерстве разоблачения.

Свернув в один из переулков и случайно наткнувшись на вестибюль метро, я, не ведая зачем, спустился вниз: потоки людских мыслей и эмоций хлынули на меня шумным каскадом, окатив с головы до ног, поражая притом своей разнообразностью. Я читал каждую душу внимательно и осторожно, наслаждаясь необъяснимой иррациональной человечностью. Меня уже не смущало то, каким зачастую малозначительным вещам уроженцы третьей планеты присваивали глубокий смысл. Возможно, в том и был весь их секрет. Задумавшись, я сосредоточился на паре, стоящей передо мной на эскалаторе. Двое таких несовместимых людей обнимали друг друга: дуэт не комплиментарных, чужих душ, виделся мне, будто сложенные вместе детали паззла, относящиеся к разным частям картины. Заинтересовавшись мотивом их выбора, я, образно выражаясь, беззастенчиво запустил свои тонкие пальцы в голову каждого, прошерстив список переживаний и надежд странной пары сверху донизу и разыскав необходимые блоки данных без особых трудов. Итак. Она: боялась одиночества. Он: хотел доказать своему окружению собственную полноценность, посредством наличия полового

партнёра. Прежде я мало обращал внимания на многие поведенческие тонкости людей, а их оказалось так много! Будто шагнув с ярчайшего потока света чистого Знания в непроглядный мрак чувственного мира, я плохо различал предметы, но постепенно моё виденье становилось всё глубже, и очертания различных вещей привлекали всё больше внимания, вызывая желание понять, для достижения какой цели они были созданы изначально. Потому вышеупомянутая пара озадачила меня.

Сойдя со ступеней спешащей ленты эскалатора, я, опустив руки на плечи этих двоих, мягко, но уверенно развернул их к себе лицом, дабы задать один-единственный вопрос: и всё-таки для чего? В первую секунду молодые люди слегка испугались моей эффектной наружности, по-видимому, от неожиданности. Затем, опомнившись, мужчина грубо оттолкнул меня прочь, бросив пару неллицеприятных выражений в полную раздумием бездну моих глаз. Оглядевшись после того, как несовместимые партнёры удалились, я осознал, что таких, как они, очень много. Я, признаться, пришёл в замешательство. В связи, с чем люди так стремятся обрести пару, и в отсутствии подходящих вариантов выбирают наименее годные? Для чего? Неужели всё дело лишь в непреодолимом инстинкте продолжения рода? Почему они так боятся быть одни? Нет, не только генетическая программа размножения правит этим сумасшедшим балом: ведь я наблюдал людей, выбирающих себе в партнёры и особой одного с

ними пола, что никак не вязалось с стремлением к рождению потомства.

Я стал пристально рассматривать энергетические оболочки землян, их социально-культурные условия жизни и физиологические особенности. Мне казалось, что я забрасываю крючок в тёмную пучину, в надежде наудачу вытащить нужный мне ответ, хотя все мои действия и алгоритмы были планомерны и выверены до мелочей. Опершись на каменную стену, впитавшую в себя тени эмоций и обрывки мыслей, я изучал их: алогичных жителей небольшого небесного тела под названием Земля. Я собирал информацию, сортировал её, сравнивал. Иногда я дотошно просматривал даже ряды предшествующих воплощений одной души. Но, находя факты, которые на первый взгляд могли объяснить причину, я, вникая глубже, неизменно приходил к осознанию, что суть не в том. Разматывая бесконечную нить этого клубка, я видел, как она истончается в моих цепких пальцах, становясь почти эфирной, призрачной и неуловимой. Когда мнилось, что новый виток принесёт долгожданный ответ и прояснит всё, за ним, нераспознанной, оказывалась целая спираль. В определённый момент мне даже стало казаться, хоть я и понимал, что это абсурд, будто причины, как таковой, не существует **ВООБЩЕ**.

Измучив себя своей же некомпетентностью, я вздохнул. Чужой мир никак не желал выдавать одну из своих сокровенных тайн. Я искал ответ, и люди тоже искали его. Они оши-

бались, оступались и падали на своём пути. Они... довольствовались суррогатами вместо неподдельной истины. То, что они искали – истоки самых возвышенных, незамутнённых чувств – эти искристые нити паутины, прозрачные до неощутимости терялись в вышине, недоступной даже звёздам: они тянулись к Богу – явлению вне возможностей понимания человека. И вместе с тем явлению, составляющему человека.

Медленно отстранившись от холодной стены, я неспешно прошёлся по платформе. До прибытия следующего поезда оставалось двадцать восемь секунд. Спустившись на рельсы, я направился в тоннель, дабы ещё раз спокойно пересмотреть собранную в единый архив картотеку человеческих судеб. Никто мне не воспрепятствовал. Спустя некоторое время по сырым стенам подземных путей пробежал жёлтый свет фар. Я оглянулся, увидев, как изменилось в выражении лицо машиниста: он принял меня за призрака – угрюмого скитальца, блуждающего в потёмках неуспокоенного духа.

Рассеянно проводив пронёсшийся сквозь меня поезд взглядом, я продолжил своё размеренно шествие. Воздух в тоннеле был затхлым и тяжёлым. В подобной атмосфере и вправду обитало немало сущностей низкого плана, что, завидев меня, сонмищем теней бросались в рассыпную по склизким грязным стенам. Я не желал пугать этих существ: для меня все формы проявления Сущего были равноценны. Просто мои вибрации были слишком высоки и невыносимы для

созданий такого плана.

Я долго блуждал во тьме подземных ходов, подбирая ключи к закрытым наглухо дверям. Одна из которых оказалась... частью меня самого. В итоге уже утром, дойдя до конечной станции, я выбрался на платформу и направился к выходу, прочувствовав, как тянется по моим пятам шлейф недоумевающих взглядов. Люди не верили собственным глазам, отрицая очевидное. Мои действия казались им невозможными, мой облик – ирреальным. Оттого я не опасался лишних вопросов: когда нечто существенно выходит за рамки привычного, человеческий разум, зажатый со всех сторон тисками стереотипов, просто откидывает эту аномалию, как несостоятельную. Проще сделать вид, будто и не заметил вовсе. Только бы и дальше пребывать в умиротворяющей утробе Системы, её вязком, как клейстер, сне. Мне же данное обстоятельство было только на руку: ведь я никого не собирался будить. Моя хроническая «бессонница» – моё проклятие, – размышлял я. Или дар.

Пробираясь в заспанной душной толпе к выходу на поверхность, я то и дело получал тычки под отсутствующие у меня рёбра. Я мог использовать порталы, но мне нравился человекоподобный способ перемещения в пространстве. Он, конечно, был длителен, но и я никуда не спешил: когда время теряет значение, нисходит покой. Именно его-то мне и не доставало.

Глава XIII

Повесть белой лилии

...Я вышел из вестибюля, шагнув в прохладное весеннее утро. Небеса осыпали меня витражными бликами собственной синевы, будто пытаюсь увлечь своим естеством, так, чтобы я навеки вечные позабыл о людях и их хитроумных шарадах. Мир расцветал, пробудившись от зимнего анабиоза. Воздух в это время года будто менял свойства. Я не дышал, но всё же эфемерно наслаждался им, не в состоянии объяснить творящегося со мной. Вдоль дорог и в скверах распускались перловой белизны соцветья вишен и яблонь. И мне был глубоко безразличен состав эфирных масел, обуславливающий их дивный пьянящий аромат, хотя я мог ясно представить его себе. Сам город, уставший от затяжной серости, будто улыбался – робко и нежно, беззаботно и мечтательно.

Застыв подле ваз с цветами, выставленными на продажу, я принялся рассматривать их, ощущая дыхание живых растений: розы, лилии, герберы, хризантемы – я знал историю каждого цветка и каждого бутона. Я знал... его душу. Срезанные цветы были прекрасны, сохраняя своё очарование ещё некоторое время после того, как острая сталь рассекла их стебель, но обречены. Я вдруг провёл параллель между собой и таким вот цветком. Метафора мнилась очевидной и

простой.

Протянув свою бледную узкую ладонь, я вынул из воды одну из веток белых лилий. На ней располагалось три цветка: один полностью раскрытый, другой едва распустившийся и третий – плотно сомкнутый бутон. Я рассматривал эту ветвь справа и слева, изучив все её изъяны. Проник в каждую её клетку. Мне не мешали в моих изысканиях. Я даровал этой ветви частицу себя: флёр далёкого, запредельного мира, впитавшись в плоть растения, сделал каждый лист и лепесток её совершенным. Но от увядания идеальность очертаний спасти не могла. Ни этот цветок, ни меня самого.

Поразмыслив немного, я отнёс лилию Мигелю, оставив на письменном столе в его комнате, как память о нашем последнем разговоре. И как многозначительный символ. А потом... Потом я всю ночь рассказывал Луне, какими прекрасными могут быть человеческие глаза, если изнутри их озаряет присутствие высшего проявления духа – Божества. Бледноликая Диана слушала внимательно, едва насмешливо: люди ведь когда-то были её детьми, но с тех пор человечество претерпело значительные метаморфозы. Мы говорили сладычицей ночи о перипетиях становления расы людей, хотя ныне сама среброокая была мертва и её мало занимали дела живущих: её оболочка неотвратимо разрушалась, и слои тонкого плана медленно разлагались. Но часть сознания ещё теплилась в хладном и безжизненном теле Астарты – королевы ночей. Белоснежном, искристом, словно лепестки ли-

лии. Прекрасном, но тленном.

Глава XIV

Фата-моргана

...Постепенно весна полностью вошла в свои права: сады благоухали, и, не успевшая покрыться копотью, свежая изумрудна зелень радовала взор. Купаясь в ставших такими тёплыми солнечных лучах, я бродил по одному из парков в центре города. Я рассматривал ухоженные клумбы с пёстрыми цветами, обрамляющие круглый пруд, размышляя о человеческом стремлении создавать Прекрасное. И разрушать его. Людей вокруг было не много, оттого я полностью ушёл в созерцание и раздумья. И так увлёкся, что не заметил прозвучавших за моею спиной шагов. Лишь в последний момент, обернувшись, я внезапно встретился взглядом с глазами моего ошеломлённого ученика. Как видно, эта случайное скрещении путей в огромном городе явилось для него полнейшей неожиданностью, как и для меня самого. То же, что в отразилось в глазах Мигеля, я не взялся бы живописать при всём своём ораторском искусстве... Будто бы жрец древнего культа внезапно обрёл свою потерянную святыню, случайно отыскав её среди бесчисленных обломков разрушенного пантеона. Неужто я в действительности был так важен для него? Мигом позже я озадачился уже другим вопросом: когда мы виделись в последний раз? Кажется, минуло около полугода.

Интересно, а это много или мало для людей? Их память... так непостоянна: что-то они забывают за неделю, иные моменты помнят годами. А есть вещи, запечатлевающиеся в их сознании на всю жизнь.

...Мигель прижимал пальцы левой ладони к губам, видимо, не веря глазам своим и в величайшем изумлении.

...Длинный расстёгнутый плащ чёрного цвета, из под которого виднелась белая рубашка простого, однако давно вышедшего из моды пошива. Классические со стрелками, брюки. Ремень с металлической пряжкой в виде довольно качественно выполненной головы дракона или змея. Ботинки с заострёнными носами и незаурядною вышивкой, кожаная сумка через плечо, так же исполненная в устаревшем стиле, с причудливым узором швов. Серебряный перстень с обсидианом на среднем пальце левой руки – неизменный магический амулет моего ученика. Глаза, волосы, губы: за секунду я рассмотрел и запечатлел все мельчайшие детали образа юноши. Будто он – фата-моргана, которая может в любой момент исчезнуть, не оставив и следа. Секундой же позже Мигель кинулся мне на шею, сжав в объятиях так, будто хотел меня задушить. Я стоял недвижно, опустив руки, ошеломлённый произошедшим. А он... рыдал. Смеялся... Говорил что-то невнятное на давно умерших беззвученных языках... Но больше всего... больше всего меня поразили те чувства, что испытывал *discipulus meus*. Каждое ощущение ведь имеет свой неповторимый оттенок. Так вот, это был на-

стоящий фейерверк красок! Из невнятных отрывочных высказываний юноши я понял, что он полагал, будто меня больше нет. Что всё закончилось так, как и должно было: Они пришли. Они наконец-то пришли – ведь я так ждал их! И увели за собой в свои мрачные ледяные чертоги. Сквозь тьму и холод до неизбежности. Слушая человеческий голос, перешедший на сбивчивый шёпот, я, осторожно сжав талию Мигеля своими ладонями, отстранил его от себя, однако руки молодого человека по-прежнему оставались лежать на моих плечах, вцепившись в них онемевшими подрагивающими пальцами, так, словно мой ученик, зная о моём пристрастии внезапно исчезать, хотел таким образом удержать меня. Удержать от падения в объятия Зыби своё потустороннее божество. Защитить от мертвящих лобзаний Небытия. И не отдавать больше никому и никогда. Даже Стражам – Хранителям Истин о сути вещей.

В мои глаза никто прежде так не смотрел. Это озадачивало и настораживало: что он, дитя Земли, мог видеть в их непрозрачной, бликующей, как металл, черноте? В очах моих было пусто и темно, будто в зеве высохшего колодца: я, как никто, знал свои глаза. Такие же, как и у многих адептов моего Храма. Но Мигелю, ему в этой немой непроглядной тьме виделось нечто большее. Меня обеспокоило то, что молодой маг заметил нечто, мне самому недоступное. Это было невозможно. Иррационально. Алогично. Неправильно. Он не мог видеть больше, чем мог я. Он человек. Он не спо-

собен. Да и что это за эфемерное «нечто», заставляющее моего ученика так глубоко всматриваться в безгласную стылую бездну?

Мне стало не по себе, и я отступил на шаг. Мои плечи выскользнули из тёплых людских ладоней. Мой *juvenis discipulus* в недоумении посмотрел на меня, заметив, как я переменялся в лице. Он спросил, неужели я не рад его видеть. Я промолчал. И ненароком прочёл фрагмент мысли юноши. Что я мог сказать в ответ на это? Станный, неверный мираж людских устремлений... Нужны ли были слова? Разве только: «Это ни к чему, Мигель»... А затем, тихо уйти, – так я решил. – Растаяв, стать ветром, запутавшимся в его шёлковых волосах. Ветром, заплутавшим в паутине времён, затянувшей фрески древнего Собора.

Я знал, так будет лучше.

Глава XV

Быть тем, кто не может забыться

...Короткая встреча с *meus discipulus* привела все фибры моей окоченевшей души в движение. Я хотел скорее забыть наше внезапное свидание, и всё с ним связанное. Забыть эти глаза, видящие во мне не отступника и предателя, но... Бога.

Уйдя в глубоко медитативное состояние, я застыл, подобно мраморному изваянию, на одной из пустынных крыш, вне зоны доступа жадных людских взоров, терзающих моё тело своим плотоядным любопытством. Я желал оказаться среди звёзд, в участливо ласковых объятиях бессчётных солнц, но обнаружил себя в совершенно неожиданных краях: *Morati...* *Alma Mater.* Моя... родина.

Мягко ступая по антрацитово-чёрному песку, я ощущал, как тихо он шуршит под моими ногами. Я был потрясён до неизъяснимости: слишком странным казалось творящееся вокруг. Даже не сам мой внезапный визит в некогда покинутые края ошеломил меня. Тревожило что-то ещё, но я никак не мог сообразить, что именно: многоликая стая эмоций вскружила мне голову. Однако чуть погодя я осознал, что было не так в моём сумеречном мире: тишина.

Я взглянул на звёзды. Прежде знакомых очертаний созвездий мой взор отыскать не сумел, да и вообще никаких

созвездий: до горизонта, покрывая весь купол неба, раскинулась иссиня-чёрная тьма – лишённый текстуры и формы погребальный наряд. Меня затрясло будто от сильнейшего электрического разряда или холода. Я дрожал в суеверном ужасе, не слыша голосов ни светил, ни их сателлитов. Да и сама планета молчала, словно лишившись души. Ни одного элементала, ни единого существа я не ощущал – НИКОГО. Непостижимо... Невозможно!

«Этого просто не может быть!..» Но мой крик в отсутствии атмосферы был нем, как всё окружающее. Я опрометью бросился к своему Храму. Я бежал, непрерывно спотыкаясь. Ноги мои вязли в песке... Я забыл о перемещениях, я обо всём на свете позабыл...

Вот он... *Tempulum meum*²⁰. Гагатовые стены оказались до основания раскрошены: в разрозненных останках угадать изначальные черты масштабного сооружения представлялось абсолютно невозможным. Только осколки и прах, лишённые былого величия. Я отшатнулся прочь, будто обжёгшись, от разбросанных истлевших камней. «Нет!..» Я кричал... На языке Земли, на всех её языках, которые помнил, путаясь в мыслях... Шепча на латыни обрывки несуществующих молитв. Из мёртвых языков мой ученик предпочитал именно этот за его благозвучность... Благозвучность отзвучавшего. Панической дрожью свело все мои члены, будто в них были мышцы из живой плоти. Я не знал, сколько вре-

²⁰ лат. Мой храм.

мении продлился приступ безумия и паники, ибо время для меня остановилось.

«Magister!.. Учитель!..» В отчаянии я принялся звать его словами и образами, до конца не веря в происходящее. На лице моём застыла маска ужаса и страдания: в зеркальных гранях каменных валунов я видел своё испуганное отражение.

Цитадель...

Не отрывая взор от некротического ландшафта развалин Храма, пятясь спиной, я начал отступать назад. Затем, сделав резкий разворот, бросился прочь, так быстро, как только умел. Я вёл себя, скорее, как человек, а не адепт тогда – Знания и Разум покинули меня, и лишь чувства, которыми я не мог управлять, владели моею душой. Я бежал, запинаясь и падая. Не знаю, как долго. Я бежал.

О, Священнейшая из Священных!.. О, великая Нерушимая Цитадель!.. Обитель воплощённого Бога!.. Её грандиозные врата на горизонте за горною грядой, наконец, открылись моему взору. Я стремился к ней так, как тонущий в океане к спасительной лодке. Достигнув, наконец, титанических врат, я замер на кратчайшее мгновение, а затем упал на колени, сложив руки в принятом жесте почитания, прислонив ребро левой ладони ко лбу. Меня трясло. Я рыдал. Но оставался недвижим в своей сакральной позе. Мне казалось, что минули несчётные века. Сколько прошло времени на самом деле, я утверждать затруднялся. В конце концов, я опу-

стил руки, зарывшись ладонями в безжизненный и бездушный песок, похожий на каменноугольную крошку. Рассеянно и вместе с тем сосредоточенно я зачёрпывал его обеими руками и высыпал обратно, глядя на то, как чёрные крупницы струятся сквозь мои лилейно-белые пальцы. Вот и всё. Мне некуда было больше идти. Нечего бояться. Не о чём скорбеть.

...Передать, как я был ошеломлён, услышав голос, обратившийся ко мне сквозь эти поля безмолвия на ЗЕМНОМ языке, просто невозможно. О, этот голос... был тёмным и бархатным, если описывать его в цвете и текстуре. Он произнёс лишь одну фразу: «Теперь ты остался один. Твой путь превратился в точку. Видишь, каково это – быть тем, кто не может забыться? О такой ли Вечности ты мечтал?» Холод пронизал каждый мельчайший фрагмент моего тела и духа. Я медленно поднял глаза. И увидел... Его.

Он смотрел на меня Своим безразличным сверкающим ледяным взором. Но мне показалось, что в неохватной глубине кристалльных очей едва различимую тень затаилась печаль. Я не смел вымолвить и слова Ему в ответ, не отваживался оформить и мысли... Он... Тот, кто не должен был носить людского лица. Но обладал им. Лишённый голоса, но говорящий со мною. Развенчанный Творец, но всё же... кумир. Существо, мотивов которого я не понимал и не мог постигнуть, изо всех сил пытаюсь.

Собрав последние силы и всю волю, всё так же стоя на ко-

лениях, я прижался бледной щекою к Его ногам, сжав в когтях своих онемевших пальцев полы Его траурно-чёрных одежд. И закрыл глаза. Над моим прежним миром, раскинув крылья подобно чудовищных размеров птице, простиралась Зыбь...

Я резко очнулся. Мои обсидиановые глаза молниеносно распахнулись, как после удара плетью.

Крыша. Бетон. Пламенеющее в закатном зареве небо. Что было со мною?

Сон... или предчувствие? Я не мог разобраться в произошедшем. Только тяжким грузом на душу легла неизбывная тоска. Свернувшись на холодной, влажной и блестящей от росы поверхности, обхватив колени руками, несколько суток я пролежал, глядя в никуда, отрешённый и потерянный. Я будто задержал дыхание, страшась слиться с сердечным ритмом этого чужого мира – мира людей, и потерять безвозвратно свой собственный пульс.

Глава XVI

Танатос²¹

...Я сидел на асфальте возле дороги, прислонившись спиной к фонарному столбу. Шёл дождь. Нет, это был настоящий ливень. Вода низвергалась с небес тяжёлыми серыми потоками, стекая по моей коже, но не оставляя на ней и следа. Я мог различить каждую каплю в неделимых на вид струях. Я наблюдал будто в замедленно съёмке, как водяные сферы меняют свои очертания, несясь к земле с чудовищной быстротою, дабы, раздробившись о её поверхность, слиться с бесчисленным множеством своих собратьев в бесформенные мутные лужи. Танатос. Неизбежность. Что могли дождевые капли противопоставить этой великой силе, что непреодолимо влекла их прочь из небесной обители в царство грязи и копоты? Той силе, что, дав им размеры и форму, лишала их и того и другого, разбивая в мелкую пыль и смешивая до однородности с бетонною крошкой и гарью в уродливых котловинах? Я думал... о том, как дух, сорвавшись с предельных высот бытия Демиурга вот так же бессильно падает в материю, очерняясь и теряя изначальную Чистую Индивидуальность. Но ведь в грозowych тучах все зарождающие-

²¹ Танатос (греч. Thanatos – смерть) – термин, используемый для обозначения влечения к смерти. В древней мифологии Танатос – это бог смерти.

ся капли тоже были однородны и неразделимы. Выходит, самосознание существует лишь в период падения, на скоротечной границе меж Небом и Тьмою. Ни до, ни после того его нет. Такой сделал я вывод.

А люди всё шли и шли... безучастно и равнодушно, попирая ногами то, что некогда находилось много выше их. Они не обращали на меня внимания, лишь изредка бросая недоумённые, либо же безразличные взгляды на чудака в нелепых одеждах, который, сидя в грязной луже, отсутствующим взором провожал разрушающиеся капли в мир теней. Для прохожих я будто бы был чем-то эфироподобным, безличным, лишённым объективной реальности. Вместе с тем я был уверен... почти был уверен в том, что я существую.

Дождь походил на катарсис для заскорузлого от удушливой пыли города. Хотя, глядя в непрозрачную аспидно-серую воду выбоин и котловин, и текущие по дорогам грязевые потоки, это утверждение представлялось абсурдным. Но, тем не менее, являлось истинным. Дождь очищал. Облагораживал. Воскрешал. Дождь был самой Жизнью. Я отстранённо глядел, как он оmyвает ступени церкви, располагавшейся на другой стороне дороги. Я... пытался забыть о том кошмаре, что недавно пригрезился мне, словно в горячечном бреде. Мой мир... мой Splenduit Tempulum²², хранит ли тебя Демиург, как и прежде?..

Я опустил веки и вновь поднял их. Дождевая вода стру-

²² лат. Светозарный храм

ящимися холодными языками туманила мой взор. И только душу мою, занесённую звёздной пылью, ливень омыть не мог. В размытых очертаниях в отдалении я вдруг различил будто бы образ моего Учителя. Я оцепенел, не смея двинуться. Гематитового цвета кожа, снежно-белые глаза с извечно суженными зрачками, серебристо-серые одежды и витиеватой формы диадема – сакральный символ одной из высших степеней Посвящения. Кипенно-белые с лёгким стальным блеском волосы, прямые и тяжёлые, словно покров дорогой ткани, обрамляли плечи, подобно потокам расплавленного металла, ниспадая с них. Мнилось, я в действительности его вижу. Сквозь полуоткрытые веки я, кажется, способен был различить любую деталь – дождь более не являлся помехой.

Мой бывший наставник смотрел на меня задумчиво и внимательно. Преодолев накатившую волну онемения, я, не меняя положения, протянул к нему свою холодеющую в нервном предчувствии руку, не в силах пошевелиться никак иначе. На моих пальцах, на кончиках жемчужно-серых ногтей подрагивали, будто бриллианты или слёзы ангела, прозрачные искристые капли. Собрав силы, я сомкнул веки, а затем распахнул глаза так широко, как только мог. Его не было. Больше не было. Лишь дождь всё гравировал свою минорную трель на шорохе шин и эхе людских шагов.

Я снова один, Magister, отныне и во веки веков.

Глава XVII

Cantus firmus²³

...Я мало помнил свой путь до сквера: мой разум был вне пределов тела, обретаясь на границе воплощённого и непроявленного. Среди тысячеликих сонмов многокрылых существ, что, сохраняя молчание, баюкали его в колыбели огромной Вселенной.

...Запах жасмина, терпкий и пряный. Миниатюрные белые цветы. Я здесь. На Земле. Небесная лазурь изливалась лучистыми потоками на посветлевший после затяжного дождя мир. Я дышал ею, наполняя каждую частицу своей оболочки этой пронзительной до нестерпимости синевой, что лоскутами проглядывала сквозь кроны перешёптывающихся деревьев. Я слушал призрачные голоса стихий, теряясь крохотной лёгкой пушинкой в нескончаемых анфиладах Существо.

А вечером я внимал пению Органа, сидя на последнем ряду в одиночестве. Музыка в материальном проявлении своём была неведома мне доньше. Оттого я был внимателен и сосредоточен, пристально следя, как переливчатые звуки подобно растекающейся амальгаме скользили по стенам. Я не

²³ лат. Неизменная мелодия – ведущая мелодия в полифонич. произв. (в старинной музыке), проводимая неоднократно в неизменном виде.

слушал музыку – я её созерцал. Меня контуры, дрожащий абрис мелодии медленно вальсировал меж рядов сидений, то прижимаясь к самой земле, то воспаряя ввысь. Я плавно следовал за ним взглядом. Державный и величественный, утончённый и изысканный, сменяли друг друга музыкальные сюжеты. Едва заметно улыбаясь уголками губ, я наблюдал за порождением человеческих фантазий и грёз, видя образы, напечатленные автором на каждой из нот. Эта фантомная память звука рождала незатихающий отзвук в беспредельных просторах космоса, перенося колебания физических носителей в области более возвышенные – неосязаемого бестелесного Света.

...Когда я остался один в опустевшем тёмном зале, никем не замеченный, я медленно приблизился к инструменту – посреднику между плотными оболочками и полупрозрачным духом. Пальцы мои изящно заскользили по клавишам, рождая вибрации обертонов и полутонов. Я вспоминал этюды далёких звёзд моей милой Morati, пытаюсь воспроизвести их на ином уровне существования согласно его законам и формулам. И *cantus firmus* этот рождал бессчётные отклики во всех точках мироздания, вне времени и пространства, становясь немеркнущим бликом в сверкающих одеяниях Творца. Иного Творца.

Томимый тоской по моей Обители, я будто бы убеждал себя, что сберегу свой мир, воскрешая в памяти нота за нотой звуки его голосов. Я не знал, существует ли моя Вселенная в

скрижалах Бытия, или же тихо угасла под покровами всепоглощающей Зыби. Не знал. И не хотел знать. Музицируя, я возвращал звук отзвучавшему, ощущая себя тем, кто возвращает к жизни мёртвых. Прошлое. Будущее. Я жил «здесь» и «сейчас» – всё прочее «до» и «после» утратило смысл. Только чувства трепетными крыльями мотыльков щекотали мой разум, тревожа и лишая его совершенного безликого покоя...

Глава XVIII

Путь Отступника

...Покинув органный зал, я углубился в тенистые аллеи парка. В стихшем сознании моём, наполненном музыкой, внезапно проступили очертания последней беседы с Мигелем тем вечером, когда я мог так безрассудно оборвать его жизнь. Видя моё безбрежное отчаяние, моё одиночество и мой страх, юноша пожелал узнать о той Вселенной, откуда я пришёл. Понять, чего я лишился и о чём тоскую. Понять, чего я боюсь. Но что я помнил? Мои воспоминания были отрывочны и разрозненны, однако, по мере того, как повествование моё разворачивалось в глубины прошлого, всё новые и новые детали воскресали пред внутренним взором. Сейчас я думал о том разговоре. О моём далёком призрачном мире, затерянном в неохватном пространстве, среди сонмов измерений и времён. И пролистывал в памяти страница за страницей беседу с моим учеником, будто по кадрам просматривая диафильм.

«...Morati... наше расставание было трагично, увы, и неизбежно. Я стал иным. Я нарушил свой обет». С губ моих сорвался тихий вздох. Не смотря на всё вышеупомянутое, моя родина оставалась частью меня – связующим звеном в нескончаемой цепи трансмиграций меж всеохватным несущим

ществованием и обретением самосознания. Полная загадок и тайн, она незримой тенью высилась за моею спиной: темными исполинами поднимались, уходя в сапфирово-чёрное небо, строгие стены Храма. Величественные ворота Цитадели, как и прежде, отражали лики далёких светил, склоняющихся в почтительном поклоне пред тем, что Сокрыто Внутри – несказуемым и нетленным Superior Sanctuarium²⁴.

«...Цитадель не имела охраны – не от кого было её защищать, да и мера эта была неоправданной. Среди нас не существовало запретов, так как каждый знал Сакральный Закон и безукоризненно следовал ему, играя свою строго определённую роль на сцене Entis²⁵, не задаваясь притом лишними вопросами: все необходимые знания для осуществления высочайшей Цели были даны всякому адепту по предназначению его. Таким был и я, Мигель. Но ныне мне кажется, будто это было не со мной.

...Неофит, вновь воплотившийся в компактном материальном теле, я обретался в пределах Обители многие века по вашему летоисчислению – наши эволюционные сроки длинны, но и продолжительность жизни неограниченна. Я видел развитие и смерть нашей звезды – Splendentia Diadema Mundi²⁶ – так я прозвал её будучи уже здесь. А ведь жизнь светила – это миллионы лет. Но я веду речь лишь о тысячах,

²⁴ лат. Святая святых.

²⁵ лат. Бытие.

²⁶ лат. Сияющая корона мира.

так как время пластично: те дни и годы, что я путешествовал по иным мирам, собирая информацию и совершенствуясь в этом искусстве, отражались столетиями в мире нашем. И, проведя в ученичестве всего лишь тысячелетия, я мог воочию наблюдать результаты несчётных эонов.

...Обитель – наша планета – была особенной, избранной нами не случайно. Она являлась одним из самых древних небесных тел, что существовали в нашей Вселенной со времени её овеществления. В мире же эйдосов её прообраз находился многим ранее того. Мы поддерживали жизнь этой планеты, сохраняли в ней душу, потому она была неразрушимой и неподвластной законам вырождения прочей материи. Ведь даже самые тонкие слои материального неизбежно вырождаются. Нашей планете не требовалось менять форму для дальнейшего прогресса: её эволюционный путь был самодостаточен и в пределах единственности оболочки. Пути же адептов были разнообразны.

Кто-то являлся Хранителем изначально – сперва в тонких телах на соответствующих уровнях, затем в более плотных – это те, кто созидали Храм и поддерживали Обитель испокон веков. Иные, к примеру, я, шли путём многочисленных ароморфозов до состояния, близкого совершенству, через материальные воплощения, меняя внешнюю структуру и функции нижних энергетических тел, на разных объектах и в разные времена существования нашего мира, дабы затем консолидировать форму в компактном образе – облике адепта.

Данный путь был наиболее распространён и многоступенчат, хотя существовали и иные этапы восхождения к Знанию.

Пройдя долгой тропой становления и будучи избранными для соответствующих задач, мы приступали к осуществлению Цели: созданию величайшего Хранилища – картотеки образов оформленных миров пространственно-временной сетки Essendi²⁷. Можно сказать, как некое аллегоричное подобие Александрийской библиотеки, Morati оберегала бесценные свитки – истории вселенных – в своих пределах, изучая их пристально и внимательно. А наши души в отведённых границах продолжали следовать стезёй совершенствования обработки данных, извлекая их, и обобщая полученные извне Знания. Пожалуй, это занятие схоже с работой архивариуса.

...Мой путь исконно ничем не отличался от пути прочих адептов. Но... я не берусь утверждать точно, какое именно событие подвигло меня к дальнейшим безрассудным действиям. Вероятно, этой точкой перегиба стало посещение мной Земли, но кто знает? Возможно, данное путешествие явилось лишь катализатором. В то время как реагенты в моей душе уже имелись в наличии, и требовался лишь малый толчок для того, чтобы перешагнуть порог энергии активации.

Итак, я посетил вашу планету, до того побывав в большом количестве иных миров. Однако здесь... что-то затро-

²⁷ лат. Бытие.

нуло меня, заставило остановиться, присмотреться повнимательнее. Я много чего повидал на своём веку: вселенных пустынных и кишаших жизнью, непроглядных и ослепляющих, обезличенных и полных индивидуальности. А Земля... она была слишком противоречивой: из всего вашего мироздания означенная точка пересечения порталов привлекла мой взор более прочего. Я прежде нигде не встречал столь разнородных по структуре и ступеням развития душ всяческих созданий, собранных вместе, как экзотические животные в зоопарке – прибежище не сочетаемого, собрание противоположностей. О, эта планета показалась мне чрезвычайно контрастной. Я наблюдал за ней со стороны, не решаясь открыть информационный канал, дабы сотворить образ вашей Вселенной. Я хотел глубже проникнуть в тайны этого столь нелепо заселённого небесного тела. Познать секрет Демииурга, сотворившего данный безумный проект. Какую идею желал воспроизвести Абсолют в своём последовательном схождении в Хаос? Я жаждал получить ответ. Хотя никогда прежде не задавался вопросами.

В итоге я всё же вернулся в объятия своей Alma Mater. Я понял, что без погружения в жизнь представителя человечества, не будучи одним из вас, мне не познать скрытых истин и причин найденного мной затейливого филигранного мира. Увлечённый своей безрассудной затеей, я утаил от прочих адептов посещение Земли – это и стало первым шагом на тропе моего отступничества. Ибо знания для нас –

не привилегия одного, а достояние всей расы, и каждое открытие незамедлительно должно становиться всеобщим. Не понимаю, что двигало мной. Я хотел разгадать ребус вначале сам, а уж потом делиться своим постижением. Это был мой второй шаг на скользкой дорожке – сверхиндивидуализация как зачаток эгоизма. А после потянулась длинная нить из нарушений наших канонов, где каждое последующее решение уводило меня всё дальше от того, кем я должен был быть по задумке Творца. Создатель – это всего лишь одна из последовательных и многочисленных персонификаций Абсолюта, чьи пути неисповедимы и замысел неопишуем. Демидург только осуществляет Высшую Волю согласно собственной индивидуальной концепции, устанавливая формулировки и законы, закрепляя предначертания как неоспоримые истины. Нельзя выйти за пределы диспозиции Абсолюта, но правила Творца нарушить можно. Я это знал. Увы...

Орнамент великих истин причудлив, *iuvenibus alumnus*²⁸, но среди кажущихся противоречий существует порядок. Однако, блик, являясь непосредственным порождением пламени, знает об источнике самого пламени лишь опосредованно, взирая на него сквозь многочисленные призмы восприятия. Таков Закон.

...Можно сказать, я стал вести свою обособленную игру – у меня появились тайны, и я изобрёл способы хранить от своих братьев. О, это было нелегко. На Земле бесконечно

²⁸ лат. Юный ученик.

отслеживать каждое слово и поступок не просто, но попробуй контролировать мысли и образы, порождаемые сознанием всякий миг – это намного сложнее. Однако я справлялся. Или, по крайней мере, так думал.

Увиденное в новом чужом мире никак не шло у меня из головы: оставаясь наедине с собой в перипетиях реальностей, я много над тем размышлял. Земля стала моей навязчивой идеей. Её обитатели – вы... пусть примитивны и несовершенны, противоречивы и алогичны, очаровали меня. В ваших душах, то, какими я видел их, священное и пороки сливались воедино, переплетались тесно, как повилыка оплетает ствол изначального древа, практически вращая в его плоть. Люди – создания, не ведающие Высших Законов, кроме собственных смутных догадок, но обладающие самосознанием... Впечатляет! И... вы... чувствуете – этот критерий оценки действительности меня поразило. Чувства ваши столь разноплановы: от порождаемых нейрогуморальной регуляцией и энергетических, зиждущихся на структуре и вибрации астральной оболочки, до диафанического мицелия духа, что воссоединяется с божественным за пределами вашего собственного понимания. Впрочем, и моего тоже: я никак не мог взять в толк, почему такая многогранная надстройка связана со столь несовершенными материальными носителями, к тому же временными, чья конструкция представлялась мне весьма сомнительной даже с позиции обусловленности внешними факторами. Ваша система энергообмена,

зависимость от условий окружающей среды, подверженность постоянным изменениям – всё это только осложняет существование рода человеческого, точнее, тех многочисленных существ, которые обитают в принятых формах и эволюционируют в рамках означенной системы. Однако именно ваше собственное несовершенство, эта ущербная хрупкость и заставляет вас переживать широкий спектр чувственных ощущений. Всё изначально было продуманно с позиции Демиурга: трансмиграция и метемпсихоз, воспоминания и накопление информации, карма и дхарма, и последовательные ступени процесса становления, но... всё-таки зачем в этой системе субъективные критерии оценки, такие как... чувства? Они зачастую только вводят в заблуждение и затемняют сознание. К чему давать человечеству то, что оно должно побороть в себе, дабы возвыситься до следующего этапа? Чтобы выработать... Волю? Однако существовали и иные пути достижения этого – они были известны мне. Тем не менее, в вашей Вселенной был избран именно такой вариант. Многое в этой шаткой с виду системе, на мой взгляд, было не так, как в совершенном и точном, будто выверенный часовой механизм, мироустройстве Morati. Эта Земля... Рассуждая аллегорически, я, как житель севера, посетивший жаркую тропическую страну, заразился неизвестной и неизлечимой болезнью, против которой иммунная система моего организма оказалась бессильна, не в состоянии выработать нужные антитела в срок. Атмосфера вашей планеты – тонко-

энергетическая атмосфера – отпечаталась на моей душе эстампом²⁹, чего прежде никогда не бывало, изменив саму мою суть. Изувечив и изуродовав её, исказив. Морфоз мировосприятия затронул всё моё существо до глубины. И, возвратившись к порогу Храма, я уже не был собой.

Я скрывал произошедшие со мной метаморфозы как мог, но духовные мутации всё яснее и отчётливее с течением времени стали проступать на моих энергетических оболочках. Впрочем, сейчас мне кажется, что мой Учитель догадался обо всём прежде, чем процесс этот вышел на столь очевидную стадию. Я даже думаю, он понял всё сразу же по моему возвращению, но я никак не могу уловить, почему он молчал... Среди адептов – неофитов и иерофантов – не было тайн. Мы были кристальны по отношению друг к другу. Если бы мой наставник, распознав во мне перемену, немедленно вынес сей факт на всеобщее обозрение, я в тот же день погрузился бы в горнило Зыби. И это было бы вполне закономерным исходом. Вместе с тем он не выдал меня. Я не верю, что он мог хранить мой секрет, как в принципе, любой секрет. Данного понятия в нашем лексиконе не существовало самого по себе. Вероятно, таков был план – я не могу утверждать наверняка. Мой Учитель был посвящённым одной и высших степеней. Вероятно, иерофанты решили по-

²⁹ Эстамп (фр. estampe, от итал. stampa) – произведение графического искусства, представляющее собой гравюрный либо иной оттиск на бумаге с печатной формы (матрицы).

ставить на мне какой-то свой эксперимент. И, выходит, это не я скрывал своё перерождение ото всех – это все скрывали своё знание об этом от меня. Иногда мне начинает казаться, что именно так и было. Система внутренних коммуникаций адептов Morati просто исключила деформированный поражённый нейрон из процесса передачи своих нервных импульсов. Я оказался в изоляции, не сознавая того. Мнилось, будто никаких значительных изменений не произошло. Я ощущал всё, как и прежде, но моё восприятие слегка притупилось в силу энергоинформационных нарушений, что я испытал.

...Большую часть времени после визита на Землю я скрывался в иных реальностях за пределами Обителя, где дотянуться до моих мыслей и... зарождающихся чувств было не так-то просто. Я был болен... неизлечимо и необратимо. И всё яснее начинал сознавать фатальность собственного недуга. Я научился бояться, ведь страх – порождение недосказанности и тайн. Да, я изменился, но мне и хотелось стать таким!.. Будто предо мной раскинулся непостижимый новый мир: дикий, неизученный, губительный, но такой притягательный. Я сам кормил этот вирус внутри, развивая новую энергетическую оболочку, которой прежде был лишён. Я разрушал себя, наслаждаясь этим процессом как новым способом познания.

Сейчас мне трудно воспроизвести прежнюю логику, которой я руководствовался, но некоторые наброски всё ж сохра-

нились в памяти. Видя, как неотвратимо меняется всё моё существо, я решил совершить последний и грандиозный по нелепости поступок до того, как моя личность исчезнет. Я отправился к воротам Цитадели – Sacrosanctum³⁰. Мне нужен был ответ, за что я заслужил свою незавидную участь, а дать его мне мог только... Бог. Тот, кого я всегда им считал.

Да, к тому времени я уже видел в полной аннигиляции самосознания участь незавидную. Этому я научился у вас, землян – вы ведь превыше всего цените собственную индивидуальность, храня её в течение многочисленных трансмиграций, как неугасимую искру первоначального Огня. Даже лишаясь воспоминаний на время схождения в физические формы, вы не теряете Память саму по себе – она не исчезает. В итоге сливаясь с Первоисточником, вы созерцаете Бытие его глазами как собственными. Вы не прекращаете быть, в отличии от нас. Никогда. Это открытие взволновало меня. Представители нашей расы, адепты и иерофанты, не ведающие смерти и забвения, а лишь перестраивающие свои низшие энергетические тела согласно канонам эволюционного процесса вне тления и распада, в конце эпох все без исключения погружаются в Зыбь, что смешивает каждую частицу самосознания до однородного состояния с Небытием. Гаснет свеча – меркнут блики... Из всепожирающей бездны восстановить индивидуальность уже невозможно. И нет способов передать величайшую Пустоту. Однако мы, лишённые стра-

³⁰ лат. Святая святых.

ха и сожаления, принимали сей факт как данность, неизменную прихоть нашего Создателя. Равнодушно, спокойно, осознанно. Но я изменился – я хотел... Быть! Всегда. За тем я и отправился в Superius Sanctuarium – жилище воплощённого Бога – Верховного Иерофанта Обители – непосредственной эманации духа самого Демиурга.

Он был вечен – единственный в нашей Вселенной в полной мере бессмертный. Я же просто напросто хотел взглянуть Ему в глаза.

Оберегало Цитадель лишь то сокровенное солнце за её обсидианово-чёрными стенами, что видеть никому, даже из посвящённых высших ступеней и степеней, не позволялось. В том не было потребности, ибо Волю Верховного Иерофанта одновременно узнавали все адепты, когда Он желал изъять её. Это было как вспышка, озарение.

Демиург обрёл материальное тело посредством эманирования собственной Сути в оформленную оболочку для упрощения информационного обмена: ведь частота вибраций Чистого Духа необычайно высока, и соприкосновение с ним любую материю обращает в Divinae Lucis – божественный свет.

...Я помню, как, пряча мыслеобразы от своих братьев, шёл к Великим Вратам. Я знал, что от Него скрыть своё намерение у меня не получится, но, тем не менее, надеялся, что у меня будет шанс. Помню, как поднялся по отвесной стене Цитадели с той стороны, где некогда заходило наше ныне

мёртвое светило, на месте которого к тому времени остался лишь гравитационный след. Оболочка же звезды переродилась для реализации дальнейшего восхождения.

Наконец, моему взору открылся Sanctuarium с высоты. И я незамедлительно спрыгнул вниз. Двери Святилища были открыты, распахнуты настежь так беспечно, будто нарочно приглашая дерзкого отступника войти внутрь. Тогда я замер пред ними в нерешительности, не зная, смею ли... Мне хотелось пасть на колени, сложив руки в почтительном жесте и завершить эту вызывающую авантюру неизбежностью Небытия. Однако я сделал шаг, ещё один и... вошёл в огромный Тёмный Зал.

Под моими стопами и вокруг от меня – всюду – простерлась сама Вечность: миллиарды светил и планет, их прошлое, настоящее, будущее – всё единовременно. Я лицезрел, как возникла из Тьмы наша Вселенная, и как погрузилась в исходный мрак на закате Эпох. Я... мог созерцать существование на любом из небесных тел, наблюдая за судьбой каждого сотворённого создания, зная его путь и устремления. Это было неопишимо. От царственного величия мироздания вне времён у меня захватило дух. А потом... все эти многоцветные картины померкли, воцарилась гулкая бездонная тьма. Мне почудилось, будто бы я парю в невесомости над бездной. Ни верха, ни низа. Всё направления были едины. Затем, под моими стопами тончайшим стеклом образовалась полупрозрачная плёнка. Пошатнувшись, утратив ориентиры

в пространстве без измерений, я неловко рухнул на колени на этот ненадёжный, будто весенний лёд, пол, приходя в себя. И, наконец, я увидел... Его.

Он стоял ко мне спиной, будучи облачённым в материальное тело, на шатком помосте прозрачного хрусталя, между тьмою над и тьмою под стеклом. Я не мог отвести взора. Трепет. Страх. Боль и обожествление. В конце концов, это существо сотворило меня. И оно же позволило мне пасть. Я не мог сказать точно, что испытывал в тот миг, глядя на своего Создателя как загипнотизированный.

...Антрацитовые тяжёлые пряди Его волос шёлком спадали на плечи и спину, струясь до самых пят. Длинные чёрные одежды... призрачно-белые, узкие запястья, изящные тонкие пальцы, когти, будто выточенные из мориона: Его образ поразил меня не менее гротескной монументальности Бытия. Однако... слишком ранимая и прозрачная кожа... Непривычные, странные детали, несвойственные ни одному из нас... Он... едва повернул голову, но я всё же сумел различить черты Его лика – идеальные, безупречные, совершенные. Если бы абсолютный Свет мог иметь лицо... Но... моё почитаемое Божество, тем не менее, не походило на адептов Обители – скорее, на... человека. Это открытие потрясло меня до самых глубин духа. Словно ощутив моё малодушное смятение, Он рассмеялся. Если бы абсолютная Тьма могла смеяться...

...Очнулся я уже за Вратами Цитадели. Моё сознание всё

ещё находилось где-то вне, и я смутно воспринимал происходящее. Только этот смех всё звенел и звенел повсюду и нигде.

Помню Хранителей, что подняли меня на ноги. Я чувствовал шорох графитово-чёрных песчинок, что скатывались с моих одежд. Помню... посверкивающую звезду на покрывалах распростёртых небес цвета индиго над моей головой – *Salvator*³¹, как позже я назову её. Помню... Учителя: то, как он всматривался в мои глаза – холодно и сосредоточенно. И как затем меня тащили по песку и через портал. Я не сопротивлялся. Всё было кончено. Мнилось, будто мертвенное дыхание Зыби уже касается ланит моего безразличного лица. Однако я ошибался. Меня, вопреки всем ожиданиям, всего лишь заключили в саркофаг. Я поясню: присвоенное мной название вполне соответствует тому, что это было. Материальное тело помещали в своеобразную клетку – физическую и энергетическую ловушку. Невозможно было покинуть плотную оболочку, находясь в саркофаге – сознание оказывалось скованным ей. Вероятно, это схоже с погребением заживо. Ты прибываешь в уме, но ни уснуть, ни уйти в медитативное состояние не можешь. А, так как наши тела полностью независимы от внешних условий, то существовать мы способны неограниченно долго, в отличие от представителей рода людского, которые неотвратимо задыхаются в тесном, находящимся под слоем грунта, гробу.

³¹ лат. Спаситель.

Я не знал, сколько продлится моё заключение – срок мог варьироваться от сотен лет до десятков тысяч. Будучи уже частично человеком, я испытывал некоторые рудиментарные эмоции – неизвестность тревожила меня. Я помню, как безрезультатно скрёб когтями тяжёлую крышку своего склепа, и от безнадёжности даже пытался кричать, как это делали люди, хотя звук от моего крика отсутствовал. Я помню... эти столетия в темноте. И каждый миг своего заточения я не переставал воспроизводить в уме один и тот же эпизод: образ Верховного Иерофанта, представший мне в Superior Sanctuarium. Каждая малейшая черта Его Лица раскалённым металлом была выжжена в моей беспокойной душе: изящность рук, изгиб тонких бровей, и странное выражение губ, как я понял позднее – усмешка. Эта пугающая непонятная антропоморфность. Всё вышесказанное сводило меня с ума, и вместе с тем удерживало от безумия. Я размышлял над загадкой головоломки. В душе моей встрепенулись чувства, о которых я не имел ни малейшего представления. Они ширились, подобно реке во время половодья, сметая остовы прежних канонов. Я уже не понимал, кто я и что.

А однажды... Это сложно объяснить, используя людскую терминологию, но я попытаюсь. Я услышал голос звезды – той, которой я позже дам имя Salvator – тихий, как шёпот. Она помогла мне открыть информационный канал из нашего мира в ваш, используя частотные характеристики, свойственные человеческим душам, которые развились и в мо-

их тонких телах. Эта помощь была неоценима. Но и риск огромен. Однако моему сознанию удалось ускользнуть из западни. Тело же пришлось оставить: оно было слишком тяжёлым, а тоннель меж измерениями чересчур хлипкок и узок для транзита такой грузной материи. Хотя наши тела многократно легче и тоньше плоти людей, даже и не являясь плотью.

Так я очутился здесь, ученик мой. Теперь ты знаешь. Но, лишённый своей низшей энергетической оболочки, я вынужден был воплотиться в материальном теле одного из представителей человечества и следовать законам реинкарнации, дабы восполнить недостающий уровень. Кроме того, лишь так я мог скрыть своё местопребывание. Я жил как один из вас на протяжении восьми сотен лет. Это долго, Мигель, очень долго. Ведь я не был собою тогда. Как и вы, я так же погружался в забвение и терял свои Знания о божественности с каждым новым рождением, сохраняя лишь проблески интуитивных просветлений разума. Пленник беспамятства, но в недрах духа сохранивший принадлежность иному миру, я страдал, томимый опустошённостью, неполноценностью и чувством неизъяснимой утраты жизнь от жизни. Посмертно ощущая лишь краткую вспышку свободы, я незамедлительно оказывался в новом физическом теле: на тонких планах Бытия этой Вселенной места для меня не было — ведь я ей не принадлежал.

Однако случилось так, что мой саркофаг и моё тело до-

вольно скоро нашли оставленными сознанием. Я почувствовал это, будучи связанным тончайшей неразрывной нитью со своей самой плотной оболочкой. Благодаря ей лишь я поддерживал своё существование здесь: ведь тело моё, как и прежде, находилось в пределах Обители и продолжало функционировать на её частотах, передавая эти колебания разумному аспекту моего «Я». Однако после того, как мой материальный носитель нашли брошенным, у меня не было выбора, как только незамедлительно вернуть тело себе, дабы по питающей пуповине от остова к разуму меня не отыскали. Это перемещение дорого мне обошлось – я растратил почти весь свой потенциал. Что ж, таким образом, я оказался всецело в пределах вашей реальности – связь с моей Вселенной прервалась. Я впервые остался один. Как никогда прежде. Ведь все путешествия мы осуществляли ментально, оставляя оболочки в пределах Храма как гарантию возвращения. Как ключ от двери домой. А теперь...

...Срезанные цветы вянут, Мигель. Как бы прекрасны они ни были. Без энергетической поддержки моего мира я медленно сгнию здесь, разлагаясь неотвратимо до оставленного разумом духовного праха. Если Они не придут раньше».

Я смолк. Мой ученик глядел на меня с каким-то смешанным чувством: сострадания, тоски и вместе с тем решимости. Несгибаемой, неколебимой. Он поможет мне. Обязательно. Вот что читалось в его взгляде. Поможет своему обескровленному Богу разрушенного пантеона. Падшему во

прах, но сохранившему прежнюю стать даже среди пыли и тлена.

Диафильм-исповедь оборвался. И, хотя я мог по кадрам вновь воскресить каждый эпизод того монолога, сотканного из пряжи воспоминаний, я подумал, что лучше будет более к нему не возвращаться. Пусть оставленное за порогом пребудет там. Словно тени умерших на смурых полях Аида, эпизоды прошлой жизни тянулись к моей беспокойной душе своими высохшими руками, силясь схватить и увлечь за собою, поймав в силки прошлого, будто мотылька в янтаре. И я не знал, долго ли смогу им сопротивляться.

Глава XIX

Visio nocturna³²

...Во время нашего последнего разговора я многое рассказал своему ученику о мире, который он никогда не увидит. И увижу ли я?..

В задумчивости я прогуливался по парку, сжимающему в своих зелёных объятиях выкрашенное белым кирпичное здание Органного зала. Отвлёкшись от самого сюжета повествования, я перебирал в голове детали того самого вечера, словно прибой, перемывающий ракушки:...гиацинтовые всполохи фонарей... потухшие свечи... шелест дыхания... и едва слышная фраза, которую *discipulus meus* обронил как бы невзначай: «Я Им тебя не отдам». Не забуду её. Никогда.

А небеса всё так же смеялись необозримо высотой, и чужие звёзды, что стали неизмеримо близки, наблюдали за мною, то бессловесно улыбаясь, то горько вздыхая. Я слушал их голоса. Они успокаивали, смирняя тревожные импульсы моей заблудшей души. Погружаясь в их хладную негу, мнилось, что все границы, как и прежде, открыты мне, и впереди ожидает несчётное множество миров и времён, загадочных, удивительных, непознанных. Что там, за всеми несметными порогами, за угольно-чёрными стенами Цитадели мой Бог

³² лат. Ночной кошмар.

неизменно ожидает меня, своего сбившегося с пути, заплутавшего в извилистых лабиринтах жизни и чувств, сына...

Но мои лиричные раздумья были прерваны. Так неестественно и грубо. Я не успел понять даже, что произошло. Это было похоже на энергетический удар, который вырвал сознание из его консолидированной формы, отбросив на иной уровень.

Моему взору открылось странное место: без стен, потолка и пола – будто бы неохватный грот, заполненный тягучей тяжёлою тьмой, словно вязкою смолой. Сквозь неё я не мог различить ни единого контура или очертания. Мрак этот был непрозрачен для моего взгляда, привыкшего видеть вне стен и границ. Данное обстоятельство пугало меня. Делало беззащитным и безоружным пред неизвестностью, что скользкими щупальцами оплетала растерянные мысли.

Не знаю, сколько длилось моё пребывание в обрисованном «гроте» до тех пор, пока я отчётливо не ощутил чьё-то присутствие. Я здесь был явно не один. Полупрозрачное, словно батист чувство вонзило свой невидимый кинжал в мой разум. Я ждал и ждал, когда это «нечто» решит проявить себя. Затем, в один миг вдруг осознал, что пребываю здесь в материальном теле – и это показалось мне слишком уж странным. С каждым тающим мигом моё смятение всё более уподоблялось отчаянию, плавно переходящему в панику. Я оглядывался, уже как человек, шаря по сторонам беспомощным взглядом. Вдруг я заметил в однородной густой тем-

ноте, возникающий как бы из ниоткуда, контур чьего-то обличья. Когда я понял, кто это... каждая ничтожнейшая частица моего тела будто онемела. Я замер, чувствуя, как внутри меня разливается мертвящий, всепожирающий холод.

Они всё-таки пришли за мной. Хранители. Бдительные бессердечные Стражи.

В первое мгновение я был настолько поражён, что все размышления отхлынули прочь, уступая полнейшему безмолвию души. Я просто наблюдал за тем, как величественно выступает из мрака силуэт, являющийся причиной всех моих самых страшных кошмаров, которые я только мог вообразить. Будто вырезанная из эбенового дерева фигура заполонила для меня и прошлое и настоящее, увлекая в неизбежное будущее – грядущую Пустоту. Чёрные одежды... скрепленные на груди руки... меланитовые глаза... обсидиановые волосы, застывшие сталактитами наподобие моих собственных... диадема и браслеты на предплечьях, в витиеватых изгибах содержащие священные символы Высшего Знания... крепящаяся к поясу *Spiritualis Flagellum* – плеть воздаяния.

Страхнув кандалы оцепенения, я отступил на шаг назад, прошептав почти не слушающимися губами на мёртвом земном языке «*frater meus*» – брат мой... Но ни единой тени не пробежало по каменному безразличному лицу апологета Закономерности. Я отступил ещё на шаг, заморожено и неотрывно глядя на распорядителя своей Судьбы. Я так сосредоточился на его лице, что не заметил второго стоящего позади

меня Великого Стража. Я успел ощутить лишь, как сжались на моих запястьях за спиной ледяные гагатово-чёрные пальцы. Неосознанно я дёрнулся вперёд, пытаюсь освободиться, только безрезультатно. Вывернув мне руки, которые в ту же секунду утратили всю свою необычайную гибкость, Хранитель продолжал крепко держать меня в своих цепких когтях. Я перестал сопротивляться, склонив голову и ожидая неотвратимого. Неприятная дрожь, словно отточенные иглы, пронзала всё моё существо насквозь. Что бы я ни сказал... как бы ни пытался передать то, что я пережил – они меня не услышат. Они – совершенные воплощения Абсолютных Законов. И земные слабости, которыми я был так неизлечимо болен, им неведомы и чужды.

Однако, мрак скрывал ещё одну тайну, разоблачая свои секреты постепенно.

Устремив взор чуть правее фигуры первого Хранителя, я различил ещё чей-то облик, медленно выкристаллизовывавшийся из зыбкой темноты: это обличье... принадлежало моему Учителю. В моей груди зародилась глупая, иррациональная надежда. Я всем своим существом потянулся к нему, так, словно увидел в конце тоннеля эфемерный свет, и почти обеззвучено произнёс: «Magister...» Однако в последующую секунду всё внутри меня оборвалось – рухнули последние робкие ожидания: правой рукой своей, обхватив уязвимое человеческое тело со спины и сжимая когтями подбородок, мой Учитель держал... Мигеля.

Юноша стоял недвижно, боясь пошевелиться, дабы не перерезать себе горло об острые лезвия когтей моего наставника. Глаза моего ученика, устремлённые на меня, были полны слёз. Я понимал: Они, как никто, умеют внушать ужас, расчлняя дух до лишённого грёз остова, осквернённого бесчувственной точностью препарирующей его длани. Учитель же пристально следил за тем, как сменяют друг друга эмоции в выражении моего лица, внимательно и неотрывно. Его графитово-чёрные узкие зрачки беззастенчиво заглядывали в самые сокровенные закоулки моей стенающей души, разоблачая секреты, которые я скрывал даже от себя самого. Небрежно распорядившись там, он изучал мои тайные переживания, мечтания, страхи и страсти, читая их будто страницы личного дневника. Невозможно сказать, что я ощущал тогда: словно меня привязали к позорному столбу на базарной площади, как гирляндой, увив обнажённое тело перечнями моих грехов. Отвратительно и невыносимо. Меня мучили стыд и страх, и собственная немощность. Я не мог вырвать книгу своей души из этих гематитово-серых ладоней, что перебирали страницу за страницей последовательно и методично. Озноб во всём теле моём усилился, сравнившись с лихорадкой. Я знал... о, я знал, что должно будет произойти.

Не вынеся долее этой размеренной пытки, я закричал, глядя на своего бывшего ментора, чтобы он оставил меня, оставил в покое мою истрёпанную душу и отпустил Мигеля – ведь он всего лишь человек – он человек! И не принадле-

жит нашему миру – так зачем вмешивать его в то, к чему он имеет только косвенное отношение, будучи моим учеником, здесь, на Земле. Я кричал и пытался ослабить железную хватку Стража Истины, но безуспешно: неестественно выворачивая себе руки, я всё же не мог освободиться. Учитель наблюдал за моими хаотичными отчаянными действиями спокойно и бесстрастно: как я скалил зубы, задыхаясь от своей беспомощности, рычал и разговаривал с ним на земном языке. Должно быть, каким ничтожным казался я ему тогда: жалкой тварью, окончательно утратившей свой некогда богоподобный облик.

Я помню, как неторопливо мой наставник перевёл свой взгляд с меня на лицо Мигеля: и в этот момент... всё замерло как в безвременье. Потом заторможенной кинохроникой движение возобновилось, но... каждый последующий кадр будто бы замедлялся всё больше и больше, становился пластичным и протяжным, как стон.

Я лицезрел, как медленно Учитель разжал ладонь, что держала подбородок юноши. Как другая его ладонь неспешно опустилась на лоб моего бедного ученика, запрокинув ему голову. Как мой собственный крик обречённости повис желеподобными волнами в окостеневшем пространстве. Я видел... как мельхиоровый коготь аккуратно и точно провёл смертельную черту, разрезав горло молодого мага от уха до уха... Мне почудилось, будто я во всей полноте могу ощутить ту боль, которую испытывает Мигель – каждый милли-

метр этой боли, наблюдая за тем, как из пореза хлынула альмандиновыми потоками ещё тёплая живая кровь. В тот момент моя дерзость и силы окончательно покинули меня, и я безвольным манекеном повис в сильных руках Хранителя, измождено опускаясь на колени. Смерть... тогда она показалась мне чем-то неисправимым и глобальным, хотя никогда прежде я не воспринимал её так. Я думал лишь о том, что никогда больше не увижу его. Никогда.

Обесточенный, словно выкрученная из патрона перегоревшая лампа, я забылся.

...Когда я открыл глаза, надо мною лазуритовым куполом сквозь офитовую вязь листвы простиралось небо. Был день. Солнце играло янтарными бликами по краям редких кипенно-белых облаков. Я смотрел ввысь, не в состоянии понять, какая из реальностей более объективна, хотя... они могли сосуществовать и параллельно. Я лежал на земле недвижно, ощущая её дыхание. Я боялся, шевельнувшись, опять соскользнуть в логово нестерпимого кошмара, и остаться там до окончания времён.

Если б Ад для меня существовал – то я представлял бы его именно таким. Замкнутым. Неизбывным. Нескончаемым в самом себе.

Глава XX

Эскиз превосходства

...Когда день уже клонился к вечеру, я медленно поднялся из зарослей, куда, по-видимому, теряя сознание, упал ночью. Жасмин осыпал меня своими жемчужными лепестками, обнимая терпким ароматом. Пошатываясь, я медленно побрёл вперёд, не ведая, куда и зачем. Я был опустошён. Ослаблен. Я... хотел видеть Мигеля, но вся моя душа сжималась в пульсирующий комок, когда я представлял, что могу не найти своего ученика... больше не найти. Оттого я и не предпринимал попыток поиска, в нерешительности скитаясь по всё тому же усталому городу. Я не был способен прежде и вообразить, как много могла значить жизнь одного человека! И вот теперь мне страшно стало узнать, что я остался один в этом чужом до бескрайности мире. Хотя у меня было много знакомых из иных сфер, но все они... Нет, этот молодой маг явно был кем-то особенным.

Очертания окружающего плыли как по волнам, в туманной дымке моих тягостных раздумий. Идя, не разбирая дороги, я случайно задел плечом пешехода, проходившего мимо. Мужчина неожиданно остановился и довольно грубо схватил меня за руку, обратив лицом к себе. Его резкая реакция на моё безобидное, непреднамеренное действие слег-

ка удивляла. Человек, вцепившийся мне в локоть, был массивен и коренаст, но мне до него не было ровным счётом никакого дела, и я вовсе не собирался отвечать на его выпады. Моё отрешённое равнодушие, однако, вызвало совершенно противоположный ожидаемому эффект. Сжав мои плечи своими короткими, будто обрубленными, пальцами, мужчина начал трясти меня как куклу, и что-то возбуждённо говорить, давясь слюной. Едкий запах его дешёвого одеколona мешался в воздухе с предчувствием дождя. Какой-то аромат тут был явно лишним, – подумалось мне. Из экспрессивного монолога, обращённого к моей персоне, я воспринимал только отрывочные фразы, которые не имели ни малейшего смысла. Я даже не смотрел на своего невольного оппонента, сохраняя бесстрастное молчание, и рассеянно глядя куда-то в сторону. Зачем он кричит на меня? Я ведь просто шёл мимо. Я не желал ему зла. И не хотел доставлять беспокойства. Неужели всё дело лишь в том, что я... немного другой? Разве это так важно? – рассеянно рассуждал я про себя, параллельно пытаюсь состыковать в связную речь хаотичные высказывания мужчины, щедро приправленные ненормативной лексикой. Особое ударение агрессивно настроенный человек делал преимущественно на лексических единицах, относящихся к девиациям половой ориентации, повторяя их по нескольку раз то с утвердительной, то с вопросительной интонацией. Это немного сбивало: я никак не мог разобраться, то ли он задаёт мне вопрос, то ли пытается-

ся в чём-то убедить. Прочее из сказанного мне слилось в какую-то бессвязную лексическую массу, будто я вдруг утратил способность воспринимать людской язык.

Довольно скоро истратив запас красноречия, мой оппонент перешёл к действиям, толкнув меня на чугунную изгородь, что обрамляла одну из сторон тротуара, отделяя территорию Собора от мирской суеты. И, вслед за тем, попытался ударить кулаком в живот. Я перехватил его кисть и отвлёл удар, даже не изменившись в лице и по-прежнему сохраняя отстранённо безразличие. Но мужчина всё не унимался. Будто он только и искал возможности выпустить пар, сорвавшись на ком-то. А под руку как раз подвернулся я – так вызывающе непохожий на других, нелепый долговязый чудик в траурном платье. Похожий то ли на демона из бездарного фильма ужасов, то ли на разукрашенного белым гримом с головы до пят психа, запихнувшего в глаза эти пугающие чёрные линзы. Идеальная мишень. Странноватый облик, дополняемый такой, с виду, субтильной комплекцией, – заключил я. Однако моя внешность на сей раз сыграла злую шутку, обманув человеческое зрение мнимой уязвимостью.

Мне, наконец, надоели неказистые движения, и, в особенности нелюбезные выражения и слова, бросаемые моим грубым оппонентом в его несдержанных монологах: они имели неправильную угловатую форму и тошнотворный запах гнили, если живописать в человеческих терминах. Я же слишком привык к совершенству. Без лишних эмоций, отве-

дя очередной удар, я, на долю секунды задумавшись, полоснул мужчину когтями по лицу, наотмашь, зацепив притом глазное яблоко. И стал наблюдать, как из глазницы потекла вязкая, перемешанная со слизью, кровавая жижа. Моё движение было таким быстрым, что я даже не замарался этим безобразным месивом. В смесь порхающих в воздухе ароматов вплелись солёные металлические нотки, придавая общему флёру лёгкую пряную горечь.

Я не должен был причинять вред человеку. Ни единому другому созданию чужой Вселенной. Не хотел и не имел права. Но... я и сам не знаю, что произошло. Мне ведь хватило бы и взгляда, да что там – малейшего колыхания мысли, чтобы усмирить его. Вместе с тем плохо ориентируясь ещё в собственном сознании, не до конца обретшим ясность, я наткнулся на странные побуждения и намерения. Но откуда они могли появиться, не ведал. Я... хотел поступать как они, ощущать, как они, изучать, наблюдать, причинять... боль, как это свойственно людям. Или же не свойственно, но земляне выработали в себе данную привычку.

Мужчина истошно вопил и метался по улице, разбрызгивая алые капли по сторонам от себя, зажимая ладонью глубокие параллельные порезы на перекошенном от боли лице. Я видел, как подобно макам расцветают, покрывая его разум, вспышки физического страдания, то распуская, то вновь собирая свои багряные лепестки. Слегка склонив голову на бок, несколько секунд я безучастно взирал на происходя-

щее – на дивный букет огненных цветов чужой боли. Мне вдруг до нестерпимости захотелось сорвать их. Сжать в ладони. Вдохнуть аромат, доносящийся с Той Стороны... Что-то или кто-то внутри меня сладко шептал о том, как это просто. И я с трудом справлялся с нахлынувшим вдруг желанием **ДОВЕСТИ ДЕЛО ДО КОНЦА**, будто бы ненароком подсмотрев притом сквозь замочную скважину мистерии смерти. Хотя подобно желание и мнилось для меня противоестественным, я ведь и прежде уже испытывал нечто подобное, когда *discipulus meus* ослушался меня, вызвав элементала. Отнять жизнь так легко – ведь она столь уязвима. Поддаться эмоциям, отпустить вожжи... особенно зная, что ты сильнее. Нарушить границы, отвергнуть духовные каноны. Беспечно заглянуть за грань. Дети Земли всё равно возвратятся. В других телах и ином времени, или же в том же самом, но другой пространственной категории. Я потрянул головой, прогоняя наваждение. В конце концов, врождённое разумное начало возобладало над приобретённым вождеделующим.

Придя в себя, я скорее отправился прочь, перемахнув через двухметровую ограду Собора и более не оглядываясь. В воздухе разливался золотистой рекою поблескивающий колокольный звон вечерни, заглушая далёкий крик.

Глава XXI

Прогулки по дну

Я бесцельно бродил по окрестностям до самого заката, а когда светило стало опускаться за испещрённый высотками горизонт, вышел к мосту. Расположившись на нём, свесив ноги и скрестив запястья на уровне лба на стальной перекладине, я немигающим взглядом стал наблюдать за Солнцем, чьи лучи нефритовыми искрами разбегались по практически непрозрачной мутной воде, дробясь и переливаясь в зыбкой ряби пробегающих от касания ветра волн. Угнетающее, грузное, будто отлитое из свинца, чувство разъедало мою душу изнутри. Оно терзало меня, вселяя неутолимое беспокойство: я не смог... не сумел его защитить – своего ученика – в бессилии наблюдая, как Они лишают его жизни, наполняя липким ужасом каждый капилляр этого хрупкого тела, забирая волю до капли. Похоже ли это ужасающее бесчинство на воплощение Великого Закона? – хмуро озадачился я. – Наша раса никогда не причиняла вред тем, кто стоит на другом уровне – это неправильно. Роль мне подобных – только наблюдать, не вмешиваясь. Но ведь и я сам... Я не находил ни объяснения, ни оправдания. Могло ли вообще быть такое? В тайне я надеялся, что это лишь *visio nocturna* – очередной мой кошмар. И, когда стемнеет, Мигель опять

зажжёт свои восковые свечи, пропитанные эфирным маслом мирта, которые мой ученик так любил, и станет наблюдать за тем, как мои когти рисуют знаки и символы с чёткими ровными гранями на деревянной столешнице, превращая её в сакральный холст истории древних народов. Увлечённый пьянящим ароматом знания, юноша задаст не один вопрос, слушая рассеянные истории своего падшего небожителя... О космогенезе, извечном пути Абсолюта от абстрактного, неоформленного и непроявленного до конкретного и ограниченного, от беспредельности до конечности. Слушая внимательно, так, как никто прежде меня не слушал, он заставит меня вновь почувствовать смысл моего существования, который я счёл безвозвратно утраченным. И, пускай у меня были и другие ученики в покинутом мною мире, они... все они ни мало не походили на того, кого я выбрал меж людей. Они были звёздами. И я учил их иначе. Звёзды не задают вопросов. А Мигель...

...Утром же *discipulus meus* уснёт. А я буду следить, как вдохи и выдохи становятся всё тише, пока душа – эта эфемерная птица – не упорхнёт из своей клетки-пристанища в неохватную даль иного пространства, дабы затем вновь пробудить спящее тело к жизни, пока время и жажда материи ещё не исчерпаны. Затем я уйду. За миг до того, как он проснётся. Уйду беззвучно, словно стихающий ветер. Чтобы вновь возвратиться. Пока избранный мною меж смертных желает слушать из моих уст легенды бессмертия, позволяю-

щие ему ощутить вкус вечности. Я вновь буду ключом, отворяющим врата за предел. Я вновь буду нужен, – рассеянно и мечтательно вообразил я.

Но, что если... моего ученика больше нет?.. Посмею ли я найти ему замену? Раньше с тем не возникло бы проблем, но ныне я стал слишком пристрастным, медленно забывая себя самого.

Разрозненные образы проносились передо мной, пока контур дневной звезды медленно таял в ализариновых разводах, уступая место изливающимся на землю сумеркам. Я взглянул на мерцающую в закатных отблесках гладь реки, и спрыгнул вниз. Почти без всплесков и брызг я погрузился до самого дна: вес моего материального тела мог варьироваться по необходимости, то делая его легче пуха, то невероятно тяжёлым и неподъёмным. Коснувшись ногами вязкого ила, я огляделся по сторонам, изучая мусор и хлам, которым было заполнено речное ложе. Затем неспешно отправился по направлению течения, заложив руки за спину, словно прогуливаясь по вечернему бульвару.

Стемнело, и вдоль набережной зажглись фонари: их причудливые размывачатые отсветы пробегали по поверхности над моей головой, и я любовался ими. На месте одного из изгибов русла, в нескольких десятках метров от моста мой взор нежданно приметил человеческое тело. Зацепившись за обломок арматуры, оно плавно покачивалась в такт пульсу воды. Я подошёл ближе и стал внимательно изучать черты

утопленника, а, если быть точным, утопленницы. Труп ещё не совсем распух и лишь едва изменился в цвете, что свидетельствовало о сравнительно недавнем времени его появления здесь, да и внутренние органы, как мог видеть мой пронизательный взор, не были подвергнуты значительному разложению. Тёмно-русые волосы девушки, связанные в многочисленные косы и чередующиеся с искусственными прядями цвета электрик, как змеи греческой Медузы горгоны, затайливо извивались над контуром головы. Кожаные брюки и жилет в некоторых местах были повреждены, видимо, железной конструкцией, за которую и зацепилось тело.

Я видел последние мгновения жизни моей «русалки», запечатлённые на тонкой оболочке подобно цветным снимкам. Застывшие на радужке её мутных глаз. Эта девушка была одинока. По крайней мере, ей так казалось: одна, а вокруг такой огромный, не понимающий её страхов и мечтаний, мир. Но чувство покинутости было отнюдь не единственным мотивом: главным и глубинным побудителем столь опрометчивого поступка стало навязчивое желание преодолеть страх смерти. И... понять. Кроме того, я видел и то, какой могла бы быть судьба погибшей, если бы не суицид. Ведь существовало некое множество вариантов развития событий – для реализации доступен был любой. Она могла бы быть счастливой. Она могла бы сойти с ума. Тем не менее, сейчас ни то, ни другое моей мёртвой «русалке» не грозило. Я проникся даже неким сочувствием к этому неразумному со-

зданию, так неосмотрительно шагнувшему с мост, чья душа ныне металась, не видя выхода, на одном из нижних планов Земли, напуганная и обречённая, с огромной ношей неизжитых эмоций. Это состояние было только временным, но... ей-то оно сейчас казалось и вечностью, и Преисподней. Вероятно, неприкаянность юной девушки, её желание знать ответ любой ценой и попытка сбежать от самой себя... Эти качества резонировали с моими собственными тревожными ощущениями, оттого я и принял решение помочь мёртвой «русалке».

Освободив тело из стальной западни, я вытащил его на гранитные плиты набережной, положив на спину. Я сидел возле девушки на корточках, следя, как многочисленные пожиратели мертвечины вьются вокруг столь желанной добычи – некротической энергии распада – но держась притом на значительном расстоянии: дело тут было во мне, потому эти трупоядные паразиты и не решались приблизиться. Отгнав малоприятных спутников без особого труда, я обратился к охранителям несчастной, её Проводникам. Я не собирался входить в чужой монастырь со своим уставом, поэтому сдержанно и уважительно беседовал с данными существами, убеждая их в том, что в моём предложении нет ни малейшего вреда, и даже присутствует определённая логика. Я не особо надеялся, что мне удастся уговорить Проводников, но, как ни странно, они меня послушали, точнее, согласились с тем вариантом, который я предлагал. Мне позволили забрать

душу утопленницы, вернув в физическое тело. Ей путь действительно был прерван слишком рано, и дух ещё не успел воплотить многие свои амбиции в данной телесной оболочке. Девушке всё рано пришлось бы вернуться в эту жизнь. Снова.

Собственная маленькая победа стала для меня поводом вспомнить о своих некогда безграничных возможностях. Я сидел, неторопливо наблюдая за тем, как сходит посинение и отёчность с лица и кожных покровов погибшей, как восстанавливаются внутренности, и как начавшийся некроз обращается вспять. Как сперва тускло, потом всё ярче, начинает светиться уже подвергшееся частичному распаду эфирное тело, и как тонкая нить вновь соединяет божественное дыхание с материей.

В возвращении к жизни я не видел ничего сверхъестественного. Если владеть определённым ключом, то трудностей в практиках воскрешения не возникало: даже люди – посвящённые – некогда могли проделывать такое. У человечества были многие знания, но принадлежали они немногим, да и использовались крайне редко. Дары древних миров и погибших цивилизаций. Что же, всё в своё время: когда-нибудь все эти таинства возродились бы вновь. Ведь каждая дверь отворяется в строго отведённый ей срок – врата не могут оставаться закрытыми вечно. Иначе это уже не врата. А глухая стена, – заключил я.

Глава XXII

Воскрешение

Моя подопечная закашляла, натужно и напряжённо, исторгая воду из лёгких наружу. Затем, не прекращая кашлять, слегка привстав на локтях, она стала судорожно озираться, пока, наконец, её взгляд не встретился с моим. Я попытался проявить миролюбие и улыбнулся, неосмотрительно обнажив зубы. Но, в следующий же миг, осознал, какую допустил оплошность: издав неопределённый возглас, видимо, чертыхнувшись, девушка отшатнулась от меня, как чёрт от ладана, и начала плавно отползать всё дальше и дальше, пока не наткнулась спиной на гранитное ограждение набережной. Я только покачал головой: благодарности ожидать и не следовало. Время от времени я забывал об особенностях этого мира и его обитателей, которым в оформленных телах были доступны преимущественно физические возможности этих тел, вне тонкого видения сути.

Я поднялся и сделал пару шагов к дрожащей от холода и испуга юной даме... к Хлое – я уже знал, что её зовут именно так. Я протянул ей руку, дабы помочь встать: я полагал, в мокрой одежде на каменной облицовке не очень комфортно было находиться, к тому же и от воды веяло холодом в ночное время. Я не пытался читать мысли или прогнозировать

поступки моей «русалки»: мне было куда увлекательнее не знать о том. Как и они не знали – такие живые и такие странные. Поэтому дальнейшие действия девушки меня немного удивили: послав меня к мифическому существу, конкретизируя, к дьяволу, и ударив по простёртой руке, она ещё сильнее прижалась к ограждению, но страх её отступил. Моя подопечная смотрела на меня решительно и немного враждебно, тёмные голубовато-серые глаза её блестели в неоновом свете утопавшего в ночи города. Потом медленно и осторожно Хлоя стала подниматься, опираясь позади себя руками на гранит и не сводя с меня настороженного взора. Растёкшаяся вокруг глаз и по щекам тушь придавала её бледному лицу трагичное и загадочное выражение. Я же и без сверхспособностей прекрасно понимал, что за личность предо мной: она была сильной, она могла управлять страхом, держать его под уздцами, а это довольно редкое свойство характера среди людей, как я видел. Да и разве слабые в трезвом уме вне мескалинового³³ состояния аффекта прыгают с моста? Она была полностью в себе, когда решилась на такое. И отдавала себе отчёт в каждом сделанном шаге. Она была искателем, преступившим чрез страх. Искателем, шагнувшим в бездну за ответом и... покоем. Таким же, как и я сам.

Пытаясь разрядить обстановку, слегка развернувшись в направлении реки и оглядывая полночную панораму, я задал девушке бесхитростный прямой вопрос: зачем она прыгну-

³³ Мескалин – психоделик, энтеоген, алкалоид из группы фенилэтиламинов.

ла? Неестественно усмехнувшись, моя подопечная, как я и подозревал, бросила в ответ всего одну фразу, что это не моё дело. Подобное меня уже не удивило. Я ответил, что в таком случае, пожалуй, пойду. И, медленно сменив направление взгляда, обернулся в сторону дороги. Сделав несколько шагов, я услышал, как Хлоя окликнула меня – человеческое любопытство было необоримо – о, я и не сомневался. Она спросила, кто я такой. Лгать, из свойственного людям, я умел хуже всего. Поэтому сразу предложил альтернативный вариант, сказав, что воздержусь от ответа на этот вопрос. Вероятно потому, что я и сам его уже не знал. Помолчав несколько секунд после того, моя «русалка» полюбопытствовала, я ли её спас. Что же, если воскрешение можно считать спасением, то да. Так я и ответил. Девушка недоумённо покачала головой, изобразив в лице саркастическое недоверие к моим словам. Не смутившись, я продолжил, предложив ей оглянуться: была глубокая ночь, а прыгнула с моста она ранним утром. Она была мертва несколько часов к ряду. И она сама это прекрасно знала. Закончив фразу, я слегка усмехнулся краешком губ, лицезря, как растущее недоумение меняет выражение аметистовых глаз моей собеседницы. Едва слышно Хлоя прошептала, откуда мне известно время, когда она решила свести счёты с жизнью, и видел ли я её попытку суицида. Я отрицательно покачал головой. Я сказал, что случайно натолкнулся на её синюшный труп, прогуливаясь по дну реки. Хлоя же назвала мой правдивый рассказ полным

бредом. Я лишь пожал плечами – правда такова, какой ты можешь её принять и отваживаешься увидеть. Реальность расширяется и меняет грани в зависимости от того угла, под которым на неё взглянешь. Это Вселенский калейдоскоп – частицы мозаики определены, но в узоры они складываются разные.

Спустя пару мгновений замешательства и тишины, я предложил моей собеседнице пойти домой, дабы не зябнуть на пронизывающем ветру. Девушка лишь, молча, опустила голову. Тогда я понял, что ей некуда и незачем идти. Какой, однако, неизгладимый след оставляли переменчивые события жизни на психоэмоциональном плане человека, как искажали первоначальный образ сошедшего в этот мир. Я поразился. Будто под неумолимым лезвием резца на лице души проступали новые черты – так материальное существование меняло его, так расчерчивало перловой белизны полотно Создателя многоцветьем красок и разнообразием форм. Чувства – это акварель. Сливаясь, растекаясь по границам, полихромные разводы въедались в изначальную белизну, образуя хаотичные переходы окраски и множественность смешанных состояний. Чувства... стихия бурная, неистовая и непостоянная, но полная закамуфлированной творческой силы, латентной Богоподобности. Меня неизмеримо это впечатляло.

Глядя на мою бездомную «русалку», я вдруг подумал о том, что и сам не имею здесь дома. Моим приютом иногда

служило жилище моего ученика – Мигеля. Возвращение с полей асфodelей одной из душ отвлекло меня от невыносимых раздумий об его участи, но сейчас тоска и неизвестность с прежней силой принялись штурмовать расщеплённый эмоциями разум. Я решил отвести Хлою к нему, а заодно и выяснить правду, какой бы она ни была.

Обратившись к девушке по имени, я вызвал следующую волну изумления: ведь она мне его не называла. И документов у Хлои не было. Я, не обратив внимания на удивление моей подопечной, предложил ей немного пройтись и побеседовать, сделав притом приглашающий жест головой в сторону придорожного тротуара, и, не оборачиваясь более, направился туда. Через полминуты за спиной моей раздалась быстрые шаги. Бояться нечего, когда нечего и терять, к тому же, если однажды ты уже лишился жизни. Вероятно, она думала именно так.

Хлоя меня догнала, и, поравнявшись со мной, замедлила шаг. Вначале девушка только разглядывала детали моего облика и молчала. Я терпеливо ждал. Чуть погодя моя спутница нерешительно упомянула о демонах. Из её слов я понял, что она мало смыслит в подобных вещах, а вот в метафоричных иносказаниях немного разбирается. Я спокойно ответил, что я не демон в том понимании, как она себе это представляет., хотя исконное значение термина мне, в некотором роде, близко: в первоначальных герметических трудах и древних сочинениях демон – daemon – был идентичен по

значению с богом или гением. Демон, как понимал Сократ данный термин, представлял собой нетленную часть человека – Ноус – разумное божественное эго. Кроме того, демонами в античности называли всех без исключения духов – добрых и злых. Так что изначальная многоступенчатая семантика слова с течением времени была сильно сужена. Это несоответствие и стало первым предметом нашего обсуждения. Я говорил моей подопечной об исторических воззрениях и учениях народов, некогда населявших Землю. О различном понимании жизни и смерти, и о том, что реальность – вещь довольно тягучая и пластичная, способная подстраиваться под модель мировосприятия того или иного индивидуума. Одним словом, что в окружающей человека действительности объективно для него существуют только те вещи, которым сам человек позволяет существовать. Слушая мою тонкую метафизику, Хлоя дрожала от холода, однако ни единой жалобы я не услышал от неё за все те два часа и тридцать восемь минут, что длился наш путь до дома Мигеля, что лишь доказывало мою правоту в плане «угадывания» её натуры – именно «угадывания», основанного на чисто визуальном восприятии. А ведь я мог узнать интересующую меня информацию прецизионно, заглянув чуть глубже. Но я играл по их правилам. По крайней мере, старался.

Девушка послушно следовала за мной по тёмным переулкам, с любопытством и недоверием слушая то, что я ей говорил. Иногда моя спутница задавала прямые, но ёмкие во-

просы. Мне нравилось отвечать, и я старался сделать ответы свои максимально простыми. Беседуя с ней, я будто воскрешал к жизни информацию, которая прежде того покоилась мёртвым грузом на полках моей разорённой библиотеки: ведь информация существует лишь в процессе передачи. В остальное время её нет. Во время разговора с Хлоей я вдруг почувствовал себя книгой, читающей саму себя, в то время как кто-то другой листал древние выцветшие страницы. Нечто подобно я испытывал и, беседуя с моим учеником...

Глава XXIII

На пороге Рая

Наконец, мы с моей новой знакомой добрались до интересующего меня дома. Дверь парадной была открыта, магнитный замок не работал, а потому мы беспрепятственно вошли внутрь. В подъезде нас поприветствовало глухое эхо и бетонная пыль. Поскрипывающий лифт, один из двух имеющихся, радушно распахнул перед нами свои выкрашенные серым створки.

Выйдя на нужном этаже и дойдя до дверного порога моего ученика, я упёрся взглядом в незнакомую дверь, что Впрочем, не слишком меня изумило: я редко пользовался дверьми как таковыми. Перед кнопкой звонка я в нерешительности замер. Я разглядывал пристально и внимательно этот чёрный, вырезанный из пластика, прямоугольник с чуть выщербленным правым нижним углом, обрамлённый белой пластиковой каймой, слегка забрызганной извёсткою после побелки стен. Бесхитростный предмет ведал ответ, что пока ещё для меня оставался неявным, так как я боялся его узнать. Просто принцип суперпозиции³⁴, – мрачно усмехнул-

³⁴ Квантовая суперпозиция (когерентная суперпозиция) – это суперпозиция состояний, которые не могут быть реализованы одновременно с классической точки зрения, это суперпозиция альтернативных (взаимоисключающих) состояний.

ся я про себя.

Хлоя с некоторым изумлением следила за мной, не понимая, в чём причина такого необъяснимого поведения. После нескольких тягостных минут, взглянув исподлобья с долей иронии на моё отрешённое лицо, моя спутница решительно позвонила в дверь. Я очнулся и замер. Звук, похожий на колокольный, превратился для меня в набат. А секунды вытянулись, словно точки при астигматизме, в длинные линии. Ожидание стало настоящим мучением. Я мог услышать, будучи ещё на первом этаже, шаги в квартире Мигеля или даже дыхание, однако я не хотел того, и свёл к минимуму всякую чувствительность, кроме базовых ощущений, которыми обладают и люди.

Спустя секунды, счёт которым я потерял, дверная защёлка повернулась. На пороге стоял мой ученик, мой Мигель. Вполне живой и вполне настоящий. Немного растерянный и изумлённый. Коллапс волновой функции³⁵. Мои губы растянулись в совершенно бессмысленной отстранённой улыбке. Я слегка склонил голову к правому плечу и полностью погрузился в собственные внутренние переживания. Это было нечто совершенно мною непознанное и фантастичное. Хлоя, оттолкнув меня в сторону и кивнув Мигелю, небрежно его поприветствовала, так, будто они знакомы, и вошла

³⁵ Коллапс волновой функции (Редукция фон Неймана) – мгновенное изменение описания квантового состояния (волновой функции) объекта, происходящее при измерении: когда система перестаёт существовать как смешение двух состояний и выбирает одно конкретное.

в квартиру, сказав, что стоять и мёрзнуть на пороге ей надоело. Мой ученик рассеянно проводил девушку мимолётным взглядом и вновь перевёл свои глаза на моё чудаковатое лицо. Я... видел то, что происходило в его душе: будто потоки резко отличающегося по температуре воздуха встретились, образуя дрожащую муаровую дымку. Он многое хотел мне сказать. Но слов не осталось – фразы выгорели дотла. И их неосязаемый пепел кружился в воздухе. Я желал бы остановить этот миг. Зафиксировать как на фотопластинке. И остаться в нём. Кошмары разоблачены и рассеяны. Жизнь продолжается. И она будет вечна.

Если бы Рай для меня существовал, он был бы именно таким – замершим мгновением безбрежного покоя и блаженства.

Мои абстрактные размышления прервал окрик со стороны кухни. Хлоя спрашивала, долго ли ей нас ещё ждать.

Вернувшись на землю в прямом и переносном смысле, я переступил порог, и дверь за мною захлопнулась. Мигель отошёл на несколько шагов, любезно пропуская меня вперёд. Мы проследовали на кухню, где, уже облекшись в одежду юноши, то есть, накинув одну из его рубашек и застегнув её на пару пуговиц, Хлоя заваривала чай. Что же, распоряжалась в чужом жилище она вполне по-хозяйски. Её собственные вещи не до конца выветрились даже после длительной нашей прогулки из-за большой влажности воздуха и теперь сушились на спинке одного из стульев.

Мигель в лёгком смущении тихо обратился ко мне, дабы узнать, кто она такая. Однако девушка опередила меня с ответом и представилась сама, присовокупив к тому не без доли оптимистического сарказма, что тоже чрезвычайно рада знакомству. После чего я всё же ответил моему ученику, охарактеризовав гостью всего одним словом – утопленница. *Discipulus meus* совершенно тому не удивился и со спокойным видом задал следующий вопрос: зачем я её сюда привёл. Глубокомысленно устремив взор в потолок, я попытался найти хоть одну объективную причину и не смог её обнаружить. Я действовал алогично, поддавшись настроению. Так я и ответил, растерянно разведя руками. Хлоя взглянула на нас с укором, заметив, что обсуждать человека в его присутствии неэтично, и опустила на стул, придвинув к себе чайник и наливая тёмную коньячного цвета жидкость в кружку. Мигель беззвучно вздохнул и отправился в соседнюю комнату, возвратившись оттуда с ещё одним стулом, который он предложил мне, и я любезно согласился.

Чай эти двое пили в молчании, настороженно переглядываясь. Девушка хотела налить и мне согревающий напиток, но Мигель прервал её действие фразой, что это совсем ни к чему. В знак согласия я покорно кивнул: вкус я мог ощутить без непосредственного употребления какого-либо продукта – он для меня был сродни запаху, да и у людей эти ощущения были связаны. К тому же, моё тело не было адаптировано к усвоению грубой материи, которой являлось вещество орга-

нической или же неорганической природы. Я не нуждался в физическом восстановлении структуры. Принципы функционирования моего организма, если можно так сказать, были отличны от людских, подчиняясь законам иного уровня. Я дышал космическими ветрами, а не воздухом, вкушая ткани порядка более тонкого – звенящее эхо в сосудах и капиллярах Сущего.

После непродолжительного чаепития, моя подопечная отправилась в ванную комнату, заявив, что после грязной речной воды ощущает себя земноводным с гадкой склизкой кожей, и что она желала бы избавиться от подобного ощущения как можно скорей. Мой *juvenis alumnus*, молча, проводил её глазами. Мы остались одни. Подперев подбородок кистями, рук я глядел в окно. Мой ученик – на меня. Я воспринимал его взгляд как нечто вполне материальное. «*Magister...*» – тихо позвал меня Мигель. Я обернулся. Я не вмешивался во внутренний мир мыслей юноши и не знал, что происходит там. Когда-то я дал ему это обещание. Возможно, пришло время жалеть о том: иногда я совершенно переставал его понимать. К примеру, как сейчас. Он хотел мне что-то сказать, что-то очень важное, но почему-то не проронил и звука.

Хлопнувшая дверь прервала затянувшееся безмолвие. Хлоя, укутанная в полотенце и с мокрыми волосами, стояла в коридоре. Улыбнувшись, она сказала, что так ей намного лучше, однако не мешало бы и поспать. Немудрено: возвращение из посмертья – процесс весьма утомительный, – дога-

дался я. Мигель поднялся со стула, чтобы проводить гостью до спальни и предложить что-нибудь из одежды. Устроив нашу новую знакомую, он возвратился ко мне. Я стоял у окна, облокотившись на стену, и наблюдал, как выцветает распанная по небу берлинская лазурь, всё более тускнея.

«Тебе тоже не мешало бы отдохнуть, Мигель. Ночь была длинной. Прости за внезапный визит и незваную гостью. Сам не знаю, зачем я вытащил её из воды. Жизнь так нелепо прервалась. Мне показалось, что это был... не совсем подходящий вариант для завершения.

Она смелая. Выносливая. Просто слишком уж любопытная и... немного устала. Этот её шаг... жажда перебороть страх и познать... Может, способ она выбрала и не вполне подходящий, но... Жаль, что люди не умеют исправлять смерть. Хотя, может, вам это и не нужно вовсе: ведь вы всё равно возвращаетесь. Все возвращаются – рано или поздно, за редкими исключениями. Лишь изменяя форму. Хотя, в пространственно-временной длительности можно повториться практически в любом моменте, который существовал или только грядёт. Дух свободен в своих перемещениях и многоличен в персонификациях, проживая неисчислимое количество жизней в параллелях одного или даже нескольких миров. Но однажды все лики соединяются. Тогда человек становится Богом – Осознающим себя как единое со всем. Это величайшее озарение и безграничное... счастье? Вероятно, так.

А знаешь, Мигель, я хотел бы... быть тобой...» При этих словах мой ученик вздрогнул. «...чтобы стать Им». Немного помолчав, я продолжил: «Бог ассимилируется с Высшей Волей в активном проявлении, и далее, переходя на неопиcуемый и непознаваемый уровень, Он сливается с Абсолютом. Но однажды...

Ты слышал про День и Ночь Брахмы, Мигель? Думаю, да. Когда наступает Ночь, все реки возвращаются обратно в истоки. И Творящая Ипостась – Демиург будто бы засыпает, растворяется, сохраняя собственную суть в латентном состоянии до наступления следующего Дня».

Рассветное небо уподобилось аквамарину. Я заморожено глядел сквозь его слепящую синь на звёзды. Я видел и слышал их. Границы – условность. Необходимый инструмент для познания Частного от Всеобщего. Мигель стоял неподвижно по левое плечо от меня и также неотрывно смотрел на проясняющиеся небеса. И было ещё что-то... но я никак не мог проникнуть в потаённый смысл того. Я заметил, как губы юноши едва дрогнули, будто с них невесомую пушинкой вот-вот должно вспорхнуть слово. Но вокруг царила тишина, и только шёпот города бесцеремонно вторгался в её чертоги.

«Отправляйся спать, мой *juvenis alumnus*: я уже вижу, как пестрыми крыльями мотыльков тебя окружают сны – иди». Мигель, послушно склонив голову, внял моему совету без возражений и проследовал в соседнюю комнату, так как

спальню свою он галантно уступил неожиданной гостье. Я ещё несколько часов провёл у окна, после чего отправился блуждать в уже досконально изученных мной спутанных лентах переулков и проспектов, затерявшись в них подобно песчинке, увлекаемой течением полноводной реки.

Глава XXIV

Тожество

Я исчез, как и прежде. На месяц, быть может, чуть более того. Мне казалось, как бы нелепо это не звучало, что моё присутствие будет подвергать опасности моего ученика и Хлою. После того, что я видел в недрах собственных кошмаров, я не переставал думать об Их приходе. Впрочем, я и ранее непрестанно думал о том. Всеведающие Стражи, что должны были явиться за головой беглеца: мысли о Них вселяли суеверный страх в мою беспокойную душу, лишённую опоры под ногами. Однако терзал меня не только один лишь страх, но и неизвестность. Противоречивость двух моих видений сбивала затуманенный разум с толку. Я никак не мог разобраться в их последовательности по отношению к «здесь» и «сейчас». Оба эпизода могли быть вполне объективно реальны, но хронология их представлялась задачей куда более сложной, нежели могло казаться на первый взгляд. Угасание мира и смерть человека. Я безуспешно пытался расплести туго стянутую сеть из этих реальностей, приняв за фиксированную точку в системе отсчёта данную консолидацию собственной личности в конкретной эпохе и Вселенной, и проследить движение прочих миров относительно неё в той же плоскости Бытия. Но тщетно. К разгадке все стара-

ния не приближали меня ни на миг.

...Помню, был вечер. Мягкий, обволакивающий аметистовый туман стелился покрывами над стихающей суетностью дня. Я бродил в его влажных фантомных объятиях, разглядывая занимательную структуру кластеров молекул воды в микроскопических аэрозольных каплях. Это занятие было столь увлекательным, что я и не заметил, как неопределённый маршрут привёл меня к знакомому дому.

Я неспешно поднимался по лестнице – этаж за этажом. Я не пытался почувствовать или узнать, просто сосредоточился на процессе движения и на грязно-жёлтом дрожащем свете электрических ламп.

Та же дверь и знакомый звонок. Не секунду я замер, отпустив свои способности и ощущения на волю, вне сводящих их к нулю рамок, что я любил устанавливать, чтобы почувствовать себя одним из людей... И внезапно понял, что произошло. Видимо, потому я пришёл сюда, ведомый внутренним голосом. Я в мгновение ока оказался в комнате Мигеля.

Свечи. Аромат мирта. Как всё было знакомо. Кольнувшийся в полумраке свет, запахи воска и эфирного масла, блики зеркал. Книжные шкафы, полные оккультной литературы и фолиантов по магии на разных языках. Не знаю отчего, но вся эта обстановка взволновала меня, окутав терпкой дымкою неясных эмоций. Однако для переживания всего многообразия чувств мне хватило и мига. В следующую за тем секунду я увидел Хлою, что сидела в углу на полу,

прислонившись спиной к книжному шкафу. Она прижимала плотно сомкнутые ладони к губам и прерывисто дышала. Обернувшись, я заметил и моего ученика. Юноша находился в сидячем положении, голова его, безвольно повернутая на бок, покоилась на столешнице, руки, словно плети, лежали на коленях. Я видел осколки стекла, разбросанные по комнате, в чьих зеркальных каплях отражались блики пламени. Опрокинутый канделябр и разорванные страницы одной из книг.

Остановившийся взгляд Мигеля, пустота в суженых зрачках, неестественная для человека белизна кожных покровов, слегка приоткрытые бескровные губы: по всем признакам можно было бы сказать, что он мёртв, но я прекрасно сознавал, что это не так. *Discipulus meus* любил играть с магией. Именно играть, используя её как инструмент для ненасытного познания Бытия. Это были довольно опасные забавы, хотя он обладал и навыками, и талантами – бесспорно, так. Пожалуй, я раскрыл ему слишком много сокровенных тайн, которые были излишни. За сим была моя вина – целиком и полностью: Мигель переходил границы дозволенного рода людскому и многократно переступал пороги, определённые лично ему, заглядывая в миры, к созерцанию которых он подготовлен не был. Эта тяга, как я понимал, была сродни азарту – желанию испытать себя, всё больше повышая сложность игры и увеличивая ставки. Кроме того, знал я также, что юноша ищет какой-то личный ответ, важный ему. Но са-

мого вопроса я не ведал – ведь я дал обещание не вмешиваться в мысли и переживания молодого мага.

Ныне же его тело простиралось на некогда расчерченном моими когтями столе, а душа в то время обреталась далеко вне своей оболочки. Там, откуда не возвращаются. Люди не возвращаются. Я только сокрушённо покачал головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.